

АЛИСА СОЛНЦЕВА

РАЗВОД: СРОК ГАРАНТИИ ИСТЁК

РАЗВОД

СРОК ГАРАНТИИ ИСТЁК

АЛИСА СОЛНЦЕВА

Алиса Солнцева

Развод: Срок Гарантии Истёк

<https://litres.ru/74535574>

Аннотация

— С годовщиной нас, Анора. Я ухожу. Справедливости ради, квартиру оставляю тебе, а всё остальное... ты сильная, ты справишься.

Короткое СМС вместо праздничного ужина. Муж, с которым мы двадцать лет строили не просто дома, а общую жизнь, ушел к «молодой музе», дочери нашего самого богатого заказчика. Ушел, обнулив семейные счета и оставив на мне неподъемные кредиты и недостроенный объект.

Он думал, что я сломаюсь. Что без него, «гениального прораба», я — просто тень со сметными таблицами. Он ошибся.

Теперь мне нужно не только достроить этот чертов особняк, чтобы не пойти по миру, но и выстоять под ледяным взглядом Матвея Монахова — человека, который ненавидит непрофессионалов и, кажется, намерен меня уничтожить.

Но на руинах старого брака я построю нечто большее. А когда бывший муж приползет обратно, осознав, что без меня он — ноль без палочки... я лично укажу ему на дверь.

В тексте вас ждут: ✓ Предательство в годовщину свадьбы (но мы не плачем, мы работаем!) ✓ Муж-изменник, который очень скоро поймет, КТО в семье был мозгом и хребтом ✓

Сильная и мудрая героиня, открывающая второе дыхание в 40+
✓ Настоящий мужчина: сложный, властный, но умеющий ценить
и защищать ✓ Противостояние характеров на фоне бетонной
пыли и искр страсти ✓ Справедливое возмездие (бывшему будет
ОЧЕНЬ больно и обидно) ✓ Хэппи-энд без прощения изменника!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3 (Гоша)	35
Глава 4	44
Глава 5	54
Глава 6	64
Глава 7	72
Глава 8 (Гоша)	80
Глава 9	91
Глава 10	99
Глава 11	108
Глава 12 (Гоша)	116
Глава 13	126
Глава 14	138
Глава 15	150
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Глава 1

Пыль на строительном рынке «Атлант» имела свой особый вкус — сухой, меловой, с едкой примесью свежепиленной сосны и дешевого дизеля. К концу августа она, кажется, пропитывала всё: поры кожи, складки джинсов и даже мысли. Я вытерла лоб тыльной стороной ладони, размазывая серую полосу, и в десятый раз посмотрела на выкрас в блокноте.

— Семёныч, я тебе еще раз говорю, это не «просто серый». Это «утренний туман» по каталогу. У него холодный подтон, а ты мне подсовываешь эпоксидку, которая через неделю в желтизну уйдет. Плетнев меня за такой «туман» в этот же бетон и закатает.

Продавец, мужик с лицом, похожим на мятый мешок из-под цемента, лениво ковырнул в зубах щепкой.

— Анорочка, ну ты ж профессионал. Пигмента добавь, делов-то. Всё равно под кухонным гарнитуром никто не увидит.

— Я увижу, — отрезала я, чувствуя, как внутри закипает привычное раздражение. — И технадзор их увидит. У Монова глаза как у орла, он за каждый миллиметр шва душу вынет. Давай тащи нужный артикул, не тяни время. Мне еще на объект заскакивать.

В кармане завибрировал телефон. Вторая линия. На экра-

не высветилось: «Полякова (заказчица, кухня)». Я вздохнула, натянула на лицо дежурную маску спокойствия и приняла вызов.

— Да, Лариса Павловна... Нет, итальянская плитка не «слишком вызывающая». Она акцентная... Да, я помню, что ваш муж хотел бежевенькое. Но мы же с вами договорились про стиль... Конечно, я всё проконтролирую. Гоша лично проверит раскладку.

Повесив трубку, я почувствовала, как в висках начинает стучать. Гоша проверит. Ну да, конечно. Гоша проверит, если я ему трижды напомним, пришлю схему в мессенджер и, желательно, отмечу крестиками на стене, где верх, а где низ. Мой муж был творцом. Человеком-идеей. Человеком-руками, которые действительно могли сотворить чудо с куском гипсокартона, но совершенно не желали знать, откуда в этом доме берется электричество, сколько стоит мешок финишной шпаклевки и почему налоговая прислала очередное уведомление на наше ИП.

Двадцать лет. Сегодня было ровно двадцать лет с того дня, как мы, два испуганных студента, расписались в облезлом загсе на окраине и ели чебуреки в парке, запивая их дешевым шампанским из пластиковых стаканчиков. Тогда нам казалось, что весь мир — это один большой объект под самоотделку. Мы верили, что построим свой замок.

И мы строили. Медленно, сдирая кожу на пальцах, влезая в кредиты, закладывая и перезакладывая старенькую «од-

нушку», доставшуюся мне от бабушки. Теперь у нас был фургон, команда рабочих (которые, правда, слушались только меня), и та самая дача — наше «Родовое гнездо», сожравшее все сбережения и нервы.

Семёныч наконец выкатил на тележке нужные ведра.

— Твоя взяла, Светлакова. Последние забрала, дефицит.

— Запиши на счет фирмы, — я махнула рукой и вцепилась в ручку тяжелой тележки.

Колесо предательски скрипнуло, вильнуло в сторону, но я удержала равновесие. Мышцы на руках привычно напряглись. В сорок два года я знала о сопротивлении материалов больше, чем о масках для лица. Мой маникюр давно сменился короткими, «под корень», ногтями — так удобнее было вскрывать банки с краской или проверять ровность шпатлевки.

На парковке было душно. Металл машин раскалился так, что к нему страшно было прикоснуться. Мой уютный кроссовер вторую неделю стоял в сервисе — полетела коробка передач, — поэтому я моталась на рабочем фургоне Гоши. Белый «Форд Транзит», побитый жизнью и гравием, пропахший табаком, перегаром рабочих и вечной пылью.

Я открыла задние двери, с натугой закинула ведра с затиркой внутрь. Спина отозвалась глухой болью.

«Ничего, Анора, — подбодрила я себя. — Сегодня вечером ты снимешь эти чертовы джинсы. Наденешь то самое шелковое платье цвета шампанского. Гоша пригласил в "Мо-

нарх" — самый дорогой ресторан в городе. Всё будет как в кино».

Я залезла в кабину. На пассажирском сиденье валялась какая-то ветошь, пустые стаканчики из-под кофе и россыпь саморезов. Гоша ненавидел порядок в машине так же сильно, как я его любила. «Творческий беспорядок, Нора! Не души во мне художника!» — смеялся он, когда я пыталась разгрести завалы в бардачке.

Кстати, о бардачке. Мне нужно было найти накладную на прошлую закупку — Плетнев требовал отчет за каждый гвоздь. Я нажала на тугую кнопку, и крышка бардачка с грохотом откинулась, вывалив мне на колени ворох квитанций, страховку и старый чехол от болгарки.

Среди этого бумажного мусора что-то блеснуло. Не металл, а плотная, дорогая бумага. Темно-синий конверт с золотым тиснением: «Золотой Век. Ювелирный дом».

Сердце предательски екнуло. Я знала этот бренд. Там не покупают серебряные колечки на сдачу. Там покупают вещи, которые передают по наследству.

Я осторожно открыла конверт. Внутри лежал чек.

Глаза непроизвольно начали сканировать цифры. Сметчица внутри меня всегда работала быстрее, чем женщина.

Триста восемьдесят тысяч рублей.

Я сглотнула. Триста восемьдесят тысяч. Это была ровно та сумма, которую мы с таким трудом аккумулировали на отдельном счету. Наш «неприкосновенный запас» для выплаты

годового транша по кредиту за дачу. Платеж через три дня. Если мы его не внесем, банк выставит штрафные санкции, от которых у меня зашевелиятся волосы даже там, где их нет.

— Ох, Гоша... — прошептала я, чувствуя, как глаза наполняются влагой. — Ну какой же ты дурак.

Я представила его вчерашним вечером. Как он, наверное, зашел в этот пафосный салон прямо в своей рабочей куртке, как смущался под взглядами лощеных продавщиц, как выкладывал эти деньги, которые мы откладывали полгода, отказывая себе даже в нормальном отпуске.

Он хотел сделать мне сюрприз. На двадцатилетие. Решил, что я достойна не просто «спасибо за работу», а настоящего сокровища. Мой Гоша. Мой большой, безответственный, талантливый и такой любящий муж.

Я прижала чек к груди. Вся усталость, всё раздражение от Семёныча, от капризной Поляковой, от пыли и жары — всё вдруг испарилось. Я простила ему этот транш. Плевать на банк, перезаниму у Плетнева под будущие объемы. Главное, что он помнит. Главное, что он ценит.

Я снова посмотрела на чек, чтобы прочесть название изделия. Хотелось представить, как оно будет выглядеть на мне вечером.

«Браслет. Золото 750 пробы. Вставки: сапфиры, бриллианты. Плетение: "Бисмарк". Размер: 16».

Я замерла. Пыльный воздух в кабине фургона вдруг стал густым, как цементный раствор.

Шестнадцатый размер.

Я медленно опустила взгляд на свои руки. На свои широкие, крепкие ладони. На запястья, которые за двадцать лет стройки стали надежными, как опоры моста. Я никогда не была хрупкой дюймовочкой. Мой размер браслета — девятнадцать. В крайнем случае, восемнадцать с половиной, если модель свободная.

Шестнадцатый размер — это на девочку. На очень тонкую, хрупкую, почти прозрачную девушку. На такую, у которой руки не пахнут затиркой и которая не знает, как удерживать виляющую тележку с ведрами.

В голове что-то щелкнуло. Память — штука жестокая, она начала подкидывать картинки, которые я раньше старательно игнорировала. Гоша, который в последнее время стал слишком часто «задерживаться на объекте у Плетнева». Гоша, который купил себе новый парфюм, хотя раньше пользовался тем, что я дарила на 23 февраля. Гоша, который вчера вечером прятал телефон, когда я зашла в комнату.

А у Плетнева была дочь. Паулина. Двадцать шесть лет, диплом дизайнера из Лондона и запястья... да, те самые. Тонкие, как у фарфоровой статуэтки. Она часто привозила отцу документы на объект, и Гоша всегда вызывался её встречать, бросая все дела. «Надо наладить контакт с молодежью, Нора! Она же будущий трендсеттер!» — говорил он, поправляя причёску перед зеркалом в бытовке.

Я посмотрела на дату в чеке. Вчера. 18:45.

Вчера в это время Гоша позвонил мне и сказал, что у него «форс-мажор» — прорвало трубу в подвале у Плетнева, и он останется там до ночи, чтобы всё проконтролировать. Я тогда еще расстроилась, пожалела его, предложила привезти горячий ужин, но он почти грубо отказался.

Трубу, значит, прорвало. Золотую трубу с сапфирами шестнадцатого размера.

Я сидела в раскаленной кабине, сжимая в руке этот проклятый синий конверт. Мимо проходили люди, тащили доски, спорили о цене на арматуру, жизнь кипела, а мой мир — тот самый, который я любовно штукатурила и выравнивала двадцать лет — вдруг пошел глубокими, рваными трещинами. И я знала, что никакой эпоксидной затиркой их уже не заделать.

— Размер шестнадцать, — повторила я вслух. Голос звучал чужой, надтреснутый.

Я не стала плакать. На стройке слезы — это лишняя влага, от неё портится сухая смесь. Я просто аккуратно сложила чек обратно в конверт, положила его ровно на то же место, под страховку, и закрыла бардачок.

Руки не дрожали. Они просто стали ледяными, несмотря на тридцать градусов в тени.

Я завела мотор. Фургон привычно взревел, выплевывая облако черного дыма. Я включила первую передачу и медленно вырулила с парковки.

Впереди был вечер в «Монархе». Ужин на двоих. Два-

дцать лет брака. И шелковое платье цвета шампанского, которое я обязательно надену.

Потому что перед тем, как сносить здание под ноль, нужно провести тщательный осмотр конструкций. И я собиралась провести этот осмотр сегодня вечером. До последнего винтика.

Я выехала на шоссе, встраиваясь в плотный поток машин. Солнце слепило, отражаясь от лобовых стекол. В зеркале заднего вида я увидела свои глаза — в них больше не было усталости. В них была пустота, в которой медленно, как в бетономешалке, начинала ворочаться холодная, расчетливая ярость.

Гоша хотел сюрприза? Он его получит. Я всегда была хорошим сметчиком и знала: за любой перерасход средств рано или поздно приходится платить. А триста восемьдесят тысяч из семейного бюджета на чужое запястье — это был очень серьезный перерасход.

Я крепче сжала руль, ощущая шершавый пластик. До ресторана оставалось семь часов. Семь часов на то, чтобы решить, как именно я буду разрушать то, что мы строили целую вечность. И почему-то я была уверена, что у меня это получится идеально. В конце концов, кто в нашей семье всегда отвечал за демонтаж старых конструкций?

Правильно. Я.

Дорога до объекта Плетнева казалась бесконечной. Обыч-

но я пролетала этот путь за полчаса, слушая аудиокниги или планируя закупки на неделю, но сегодня каждый светофор казался личным оскорблением.

Особняк Плетнева высился в элитном поселке «Кедровый» как памятник человеческому тщеславию. Огромный, облицованный натуральным камнем, с панорамными окнами, которые сейчас отражали багровое предзакатное солнце. Мы работали здесь уже три месяца. Это был наш «золотой билет» — контракт, который должен был позволить нам закрыть все хвосты и наконец-то вздохнуть спокойно.

Я припарковала фургон у ворот. Мои рабочие — Сашка и Виталик — как раз выходили на перекур. Увидев машину, они затушили сигареты.

— Анора Борисовна, вы сегодня поздно, — Сашка почесал затылок. — Георгий Львович полчаса назад уехали. Сказали, по срочным делам в город.

— По срочным, значит, — я кивнула, не выходя из машины. — Саш, на втором этаже в малой гостиной затирку начали?

— Так нет еще, ждали, когда вы привезете.

— Забирайте в багажнике. И чтобы к утру всё было готово. Завтра приедет технадзор, будет проверять швы под лампу.

— Сделаем, Борисовна. Не волнуйтесь.

Я смотрела, как они вытаскивают ведра. Мои верные солдаты. Они и не подозревали, что их «генерал» только что по-

дорвался на mine в собственном тылу.

Я вышла из машины и направилась в дом. Хотелось увидеть Паулину. Просто взглянуть на неё еще раз, но уже другими глазами.

В холле пахло дорогой шпаклевкой и свежестью кондиционеров. Из глубины дома доносились голоса. Я прошла в гостиную. Паулина была там. Она стояла у окна, обсуждая что-то с отцом — Петром Петровичем Плетневым.

На ней были узкие белые брюки и шелковый топ на тонких бретельках. Она смеялась, откинув голову, и солнечный зайчик прыгал по её тонкой, алебастровой шее.

Я невольно посмотрела на её правую руку.

Пусто. Браслета не было.

«Конечно, — подумала я. — Подарок на годовщину дарят вечером. Наверное, он планировал вручить его ей сегодня. Пока я буду ждать его в "Монархе"».

— О, Анора! — Плетнев заметил меня и широко улыбнулся. Он был из тех богачей, которые ценят профессионализм больше, чем лесть. — Хорошо, что зашли. Георгий сказал, вы привезете ту самую затирку.

— Привезла, Петр Петрович. Всё под контролем.

Паулина обернулась. На её лице промелькнуло мимолетное выражение... жалости? Или превосходства? Она окинула взглядом мою пыльную обувь, мои джинсы с пятном от белой краски на колене.

— Анора Борисовна, вы так много работаете, — пропела

она своим высоким, «дизайнерским» голоском. — Папа, посмотри, какая Анора молодец. Настоящая опора для Георгия. Без неё он бы просто летал в облаках со своими эскизами.

— Это правда, — Плетнев одобрительно кивнул. — Редкий сплав таланта и прагматизма.

Я стояла перед ними, чувствуя себя как кусок бетона среди хрусталя.

— Я просто делаю свою работу, — ответила я ровно. — Паулина Петровна, а вы сегодня вечером на объекте?

— О нет, — она игриво поправила локон. — У меня сегодня важное свидание. Один очень талантливый человек обещал мне вечер открытий.

Один очень талантливый человек. Мой муж.

Внутри меня что-то окончательно заостенело. Я больше не чувствовала жара или холода. Только странную, звенящую четкость.

— Рада за вас, — я слегка склонила голову. — Петр Петрович, я пойду проверю чердачное перекрытие. Там были вопросы по пароизоляции.

— Да-да, идите.

Я поднялась на второй этаж, зашла в пустую спальню, где еще не было мебели, только голые, идеально выровненные стены. Я подошла к окну и посмотрела вниз, на парковку.

Там стоял фургон. Мой Гоша купил его пять лет назад, когда мы получили первый крупный заказ. Он тогда прыгал от

радости, как ребенок. Мы обклеили борта логотипом: «Светлаковы. Ремонт под ключ».

Светлаковы. Семья. Команда.

Я вспомнила, как мы выбирали этот логотип. Как Гоша рисовал вензеля, а я настаивала на строгом шрифте.

— Ремонт под ключ, — прошептала я, прижимаясь лбом к холодному стеклу. — Что ж, Гоша. Ключ у меня. И я собираюсь запереть эту дверь с той стороны.

Я пробыла на объекте еще час. Раздавала указания, проверяла уровни, заставляла рабочих переделывать мелочи. Я делала это механически, доводя всё до идеала. Если это мой последний объект в качестве «опоры Георгия», то он должен быть безупречным.

Когда я вернулась к машине, солнце уже почти скрылось за горизонтом. Город зажигал огни.

Я поехала домой. Нужно было успеть. Нужно было стать той женщиной, которой полагается браслет 19-го размера.

В нашей квартире было тихо. Дочь Таисия была у подруги — готовилась к зачетам. Я была рада этому. Не хотелось, чтобы она видела меня в таком состоянии.

Я зашла в ванную, включила воду. Долго смывала с себя строительную пыль. Скраб обжигал кожу, мочалка царапала плечи, но мне казалось, что я всё еще чувствую на себе этот серый налет.

Затем я достала платье. Шелк охлаждал пальцы. Это платье стоило дорого — я купила его месяц назад, втайне от Го-

ши, решив, что на двадцатилетие имею право выглядеть как женщина из того мира, который мы строим для других.

Я нанесла макияж. Тщательно скрыла тени под глазами. Выделила губы. В зеркале на меня смотрела незнакомка. Высокая, статная, с прямой спиной и тяжелым взглядом темных глаз.

Я выглядела дорого. Я выглядела сильной.

Я надела туфли на шпильке, взяла маленький клатч. В последний момент я открыла шкатулку и надела свои старые золотые часы — подарок отца. Они были массивными, надежными. Настоящими.

Телефон пискнул. Сообщение от Гоши: «Любимая, я уже в ресторане. Жду тебя. Ты будешь самой красивой».

Я усмехнулась, глядя на экран.

«Иду, любимый. Готовь свой сюрприз».

Я вышла из квартиры, закрыла дверь на два оборота. Шаги по лестнице звучали гулко, как удары молотка по плитке.

Внизу меня ждало такси.

Пока мы ехали к «Монарху», я смотрела на ночной город. Мимо проносились огни витрин, рекламные щиты, счастливые пары на тротуарах. Я думала о том, что завтра утром моя жизнь превратится в стройплощадку после сноса. Будет много мусора, много шума и очень много боли.

Но сегодня я собиралась досмотреть этот спектакль до конца.

Ресторан «Монарх» встретил меня приглушенным джа-

зом и запахом дорогих сигар. Метрдотель почтительно склонил голову и проводил меня к столику в глубине зала.

Гоша уже был там. Он переоделся — на нем был хороший пиджак, белая рубашка. Он выглядел... виноватым? Нет, скорее возбужденным. Его глаза блестели.

Когда он увидел меня, он на секунду замер. В его взгляде промелькнуло искреннее восхищение. Он встал, отодвинул мне стул.

— Нора... Ты выглядишь просто невероятно. Я даже забыл, какая ты у меня красавица.

— Забыл? — я приподняла бровь, присаживаясь. — Ну, в последнее время у нас было слишком много бетонной пыли, Гош. Трудно разглядеть красоту под слоем шпаклевки.

— Сегодня никакой пыли, — он взял мою руку и поцеловал пальцы. Те самые пальцы, которые сегодня утром проверяли фракцию затирки. — Только мы. И наш праздник.

На столе стояло шампанское в ведерке со льдом. Официант наполнил бокалы.

— За нас, — сказал Гоша, поднимая свой бокал. — За двадцать лет. Мы через такое прошли, Нора. И мы победили. Мы построили свою жизнь.

Я посмотрела на пузырьки в бокале.

— За победу, — эхом отозвалась я и сделала глоток. Ледяное вино обожгло горло.

Весь ужин Гоша говорил без умолку. Он вспоминал наши первые заказы, смеялся, строил планы на будущее. Он рас-

сказывал, как мы расширим фирму, как найдем больше людей, как он начнет заниматься только концептуальным дизайном.

Я слушала его и видела перед собой не мужа, а объект, который подлежит демонтажу. Я видела каждую фальшивую ноту в его голосе, каждое нервное движение пальцев, когда он проверял время на часах.

Он ждал. Он ждал момента, чтобы уйти. Или чтобы подать «сюрприз».

— Знаешь, Нора, — он вдруг посерьезнел. — Я сегодня понял одну вещь. Ты — мой фундамент. Без тебя я бы ничего не добился.

— Фундамент обычно не замечают, Гош, — заметила я, ковыряя вилкой салат. — По нему просто ходят. Любуются стенами, крышей, декором. А фундамент... он просто глубоко в земле. На нем всё держится, но о нем вспоминают только тогда, когда по дому идут трещины.

Гоша на секунду осекся. Его улыбка стала чуть менее уверенной.

— Ну, зачем ты так. Я всегда тебя ценил.

— Правда?

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Тогда расскажи мне, как вчера прошел ремонт трубы у Плетнева? Удалось устранить течь?

Он не моргнул глазом. Профессиональный лжец. За двадцать лет он научился скрывать свои «косяки» перед заказ-

чиками, а теперь применял этот навык на мне.

— О, это был ад, — он пустился в описания. — Весь подвал залило. Пришлось вызывать аварийку, самому лезть в воду. Провозился до двух ночи. Ты же видела, в каком состоянии я пришел.

— Видела, — кивнула я. — Ты пришел очень уставшим. И очень счастливым. Я подумала, это от успешно выполненной работы.

— Конечно. Ты же знаешь, я не люблю оставлять недоделки.

В этот момент его телефон на столе завибрировал. Он быстро глянул на экран и перевернул его дисплеем вниз. Но я успела заметить — сообщение от «П.П.». Паулина Плетнева.

— Ладно, Нора, — он вдруг заерзал на стуле. — Мне нужно отойти на минуту. Важный звонок по завтрашнему объекту. Не скучай, я быстро.

Он встал и почти бегом направился к выходу на веранду. Я осталась одна. В зале ресторана было уютно и тепло, но меня бил озноб.

Я знала, что сейчас произойдет. Я знала это каждой клеткой своего тела.

Я медленно встала, взяла свою сумочку и пошла вслед за ним. Не прячась, не таясь. Гулкая поступь шпилек по мраморному полу.

Я вышла на веранду. Там было прохладно. Гоша стоял у

перил, прижимая трубку к уху.

— Да, милая... Да, я уже почти закончил. Она ничего не подозревает... Да, браслет у меня. Он идеален. Как раз для твоей ручки... Потерпи еще час, и я буду у тебя. Мы отметим это по-настоящему.

Он засмеялся. Тем самым смехом, который я когда-то обожала. Счастливым, свободным смехом влюбленного мужчины.

Я стояла в пяти шагах от него. Тень от большой пальмы скрывала меня.

— Шестнадцатый размер, Гоша? — спросила я негромко.

Он подпрыгнул, как будто его ударило током. Телефон выпал из его руки и с глухим стуком ударился о деревянный настил веранды.

Он медленно обернулся. Его лицо в свете фонарей стало серым, как та самая затирка «утренний туман».

— Нора... Ты... Ты что здесь делаешь?

— Я пришла за своим сюрпризом, — я сделала шаг вперед, выходя на свет. — Знаешь, я сегодня нашла чек в фургоне. Триста восемьдесят тысяч. Наши деньги на кредит, Гош. Те самые, которые я выкраивала из каждой сметы.

Он открыл рот, но не смог произнести ни звука. Его глаза бегали, ища спасения, но веранда была пуста.

— Ты сказал, что я — твой фундамент, — продолжала я, подходя вплотную. — Ты прав. Но ты забыл одну важную деталь. Если фундамент решит уйти, весь дом сложится как

карточный домик. Вместе со всеми твоими эскизами, амбициями и «молодыми музами».

Я посмотрела на телефон, лежащий на полу. Из динамика доносился тонкий, испуганный голос Паулины:

— Алло? Гоша? Что происходит? Кто там с тобой?

Я наклонилась, подняла телефон.

— Здравствуй, Паулина, — сказала я в трубку. — Это Анора. Та самая «опора для Георгия». Хочу тебя расстроить: вечер открытий отменяется. У Георгия Львовича внезапно начался капитальный ремонт личной жизни. И боюсь, он его не переживет.

Я нажала кнопку отбоя и протянула телефон мужу.

— Держи. Тебе еще предстоит многое ей объяснить. Например, почему ты теперь безработный и почему у тебя нет доступа к расчетному счету ИП, который оформлен на мое имя.

— Нора, послушай... Это не то, что ты думаешь... Я просто... — он начал лепетать, хватая меня за руки.

Я стряхнула его пальцы так, будто это была ядовитая слизь.

— Не то, что я думаю? Размер шестнадцать — это не то, что я думаю? Браслет на деньги для кредита — это не то, что я думаю?

Я посмотрела на него в упор. И в этот момент я почувствовала не боль, а огромную, космическую свободу.

— У тебя есть час, чтобы забрать свои вещи из моей квар-

тиры, Гоша. Только личные вещи. Кофемашину и инструменты оставь — они куплены на мои премии.

— Ты не можешь так поступить! Двадцать лет, Нора!

— Двадцать лет ты строил свою жизнь на моей шее, — я развернулась и пошла к выходу. — Время аренды истекло. Срок гарантии — тоже.

Я шла через зал ресторана, и люди оборачивались мне вслед. Наверное, я выглядела странно — женщина в шелковом платье цвета шампанского с лицом каменного изваяния.

Я вышла на улицу. Ночной воздух ворвался в легкие.

Я не знала, что будет завтра. Я не знала, как буду платить кредит, как посмотрю в глаза дочери, как буду сдавать объект Плетневу.

Но одно я знала точно: мой размер — девятнадцать. И я больше никогда не позволю мужчине пытаться застегнуть на мне чужой, тесный браслет.

Я подняла руку и поймала такси.

Глава 2

Мраморный пол в главном зале «Монарха» казался мне теперь не признаком роскоши, а россыпью битого льда. Каждый шаг на шпильках отдавался в висках коротким, сухим стуком, будто кто-то вбивал дюбель-гвозди прямо в мой мозг. Джаз продолжал литься из скрытых динамиков — тягучий, сладкий, совершенно неуместный в этот момент.

Я прошла мимо столика, за которым мы всего полчаса назад сидели с Гошей. Бокалы еще не убрали. В моем шампанское выдохлось, в его — на дне плавала одинокая, сморщенная ягодка малины. Всё выглядело так правильно, так подизайнерски выверено: льняные салфетки, тяжелое серебро, приглушенный свет. Идеальная декорация для идеального финала.

— Простите, мадам... — Официант, юноша с набриолиненными волосами и выражением лица «я видел всё, но ничему не верю», вырос передо мной из ниоткуда. — Ваш супруг... он просил передать, что ему пришлось срочно уйти. По делам.

Я посмотрела на него в упор. У парня дрогнул кадык. Наверное, мой взгляд сейчас мог бы резать закаленное стекло.

— Мой супруг, — я выделила это слово, ощущая на языке привкус желчи, — ушел не по делам. Он ушел в другую жизнь. Принесите счет.

— Но горячее... — он замялся, косясь на кухню. — Утка конфи будет готова через пять минут.

— Оставьте утку себе. Или скормите её тем, кто еще верит в обещания поваров и мужчин. Счет, пожалуйста.

Он исчез, а я осталась стоять посреди зала, чувствуя, как шелк платья липнет к спине. Странно, в ресторане работал кондиционер, но мне казалось, что я нахожусь внутри раскаленной духовки. Внутри всё дрожало, мелкая, противная вибрация, как от работающего на холостых оборотах перфоратора где-то за стеной. Это был шок. Я знала это состояние. Когда на объекте падает кран или прорывает магистральную трубу, сначала наступает именно такая тишина — вакуумная, звенящая.

Счет принесли в кожаной папке. Двенадцать тысяч четырехста рублей. Половина месячной зарплаты моего подсобника Сашки. Я достала свою личную карту — ту, на которую капали редкие фрейланс-консультации по дизайну, которые я вела по ночам, пока Гоша спал. Карту ИП «Светлаков» я даже не тронула. После того, что я увидела в чеке на браслет, прикасаться к общим деньгам было всё равно что лезть в щиток под напряжением.

Я расплатилась, не глядя на цифры терминала. Оставила официанту щедрые чаевые — просто чтобы не чувствовать себя побитой собакой. Чтобы уйти отсюда с высоко поднятой головой, даже если под ногами разверзается бездна.

Такси приехало быстро. Черная иномарка, пахнувшая де-

шевой ванилью и застарелым табаком. Я опустила стекло, позволяя ночному воздуху хлестать по лицу. Город проносился мимо — огни, рекламные щиты, люди. Двадцать лет я смотрела на эти улицы через призму строек. Здесь мы меняли кровлю, тут — штукатурили фасад, в том торговом центре я три месяца жила в вагончике, контролируя монтаж витрин. Вся моя жизнь была завязана на созидание. Я строила дома для чужих людей и думала, что в это время возвожу свою крепость.

Оказалось, я просто возводила забор вокруг пустоты.

«Шестнадцатый размер», — стучало в голове в такт колесам. — «Размер шестнадцатый. Триста восемьдесят тысяч».

Это не просто цифры. Это цена моей слепоты. Как я могла не заметить? Я, которая видит перепад уровня пола в два миллиметра невооруженным глазом? Я, которая чувствует запах некачественной олифы за версту?

Я посмотрела на свои руки. В свете уличных фонарей кожа казалась бледной, почти прозрачной. Я вспомнила Паулину. Её пальцы, длинные и тонкие, никогда не державшие ничего тяжелее карандаша Apple Pencil. Она была как эскиз — легкая, карандашная, необязательная. А я была чертежом. Жестким, подробным, выполненным тушью. Видимо, Гоша просто устал от чертежей. Ему захотелось акварели.

Возле нашего подъезда было подозрительно тихо. Я дала ему час. Семнадцать минут еще оставалось. Я вышла из машины, поправила клатч и посмотрела вверх, на наши окна на

четвертом этаже. Там горел свет. Ярko, празднично. Наверное, он еще там. Собирает свои творческие шмотки, кидает в сумки свои дизайнерские шарфики.

Я вошла в подъезд. Лифт не работал — вечная проблема нашего дома, которую Гоша обещал решить через знакомых в ЖЭКе еще три года назад. Я поднималась пешком. С каждым пролетом шелк платья казался всё тяжелее, будто он впитывал в себя всю тяжесть этого дня.

Перед дверью я замерла. Сердце колотилось в горле. Я ожидала услышать шум сборов, хлопанье дверец шкафа, может быть, даже какую-то неловкую попытку оправдаться. Но за дверью стояла тишина. Плотная, ватная, какая бывает в домах под снос.

Я повернула ключ. Замок щелкнул легко, привычно.

В прихожей горела дежурная лампа. Я сделала шаг и наткнулась на пустоту. Раньше здесь стояла кованая банкетка — авторская работа, подарок Корнея Блаженного. Теперь её не было. На линолеуме остались четыре четких вмятины, как следы от удаленных зубов.

— Гоша? — позвала я. Голос сорвался, прозвучал жалко. Ответа не последовало.

Я прошла в гостиную. И тут же остановилась, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

Это не был просто уход. Это был грабеж. Причем грабеж обдуманнй, циничный, проведенный с точностью до миллиметра. На стене, где висел наш огромный плазменный те-

левизор — единственный предмет роскоши, который Гоша настоял купить в кредит в прошлом году — зияла пустота. Торчали сиротливые провода, а на светлых обоях остался пыльный прямоугольник.

Я прошла дальше, в его «творческий уголок». Стол был пуст. Исчез его мощный компьютер, графический планшет, даже настольная лампа. Зато на полу валялись обрывки бумаги, какие-то старые чеки и пустая коробка от пиццы. Он не просто забирал свое. Он вырывал куски из нашего общего быта.

Я заглянула в спальню. Шкаф был распахнут настежь. Мои вещи висели на вешалках — сиротливые, ненужные. Его полки были девственно чисты. Даже носки забрал. Все до единого.

Но настоящий удар ждал меня в кладовой.

Я открыла дверь в наш маленький склад инструментов. Это было мое святилище. Здесь стояли стеллажи, которые я сама монтировала по выходным. Здесь хранилось то, что позволяло нам называться профессионалами.

Ящика с Hilti не было. Мой перфоратор, шуруповерт, лазерный уровень — профессиональный инструмент, который стоит как подержанная иномарка. Всё, что мы покупали годами, откладывая с каждого объекта. Всё, что я подарила ему на прошлый день рождения, сопровождая это шутилым: «Теперь ты вооружен и очень опасен».

Он забрал инструмент. Человек, который сегодня на ве-

ранде ресторана клялся в любви другой женщине, не забыл прихватить с собой чемодан с перфоратором. Это было так мелко, так по-крысиному, что я вдруг рассмеялась. Горько, до хрипа в горле.

Я вернулась на кухню. Жажда была невыносимой, будто я весь день провела в цеху по распилу гипса. Я потянулась к столешнице, к тому самому углу, где каждое утро начиналось с аромата свежемолотого кофе.

Пусто.

Кофемашина. Итальянская «Делонги», на которую я копила полгода, откладывая «зачатки» от Плетнева. Она исчезла. Только мокрое пятно на столешнице напоминало о том, что еще утром здесь стоял прибор.

— Тварь... — прошептала я, и это было первое слово, которое я смогла выдавить из себя после ресторана. — Какая же ты тварь, Гоша.

Я споткнулась о коробку, стоявшую посреди кухни. Старая картонная тара из-под плитки. Внутри лежала какая-то мелочь: старые зарядки, сломанный степлер, мои запасные ключи от объекта. Весь мусор он оставил мне. Всё ценное уехало к «родственной душе».

Я налила стакан воды прямо из-под крана. Вода отдавала хлоркой и железом. Я пила жадно, захлебываясь, чувствуя, как холодная жидкость остужает пылающее горло.

И тут я заметила его.

Листок бумаги, вырванный из моего ежедневника. Он ле-

жал на кухонном столе, прижатый солонкой. Гоша всегда любил записки. Он писал их мне на зеркале в ванной, на салфетках, на обороте смет. Раньше они были полны нежности. Теперь это был приговор.

Я взяла листок. Почерк — размашистый, уверенный, «дизайнерский». Ни единого дрожания руки.

«Анора, я не хотел, чтобы всё закончилось так. Но ты должна понять: я творец, а не машина по зарабатыванию денег. Последние годы я задыхался. Ты превратила нашу жизнь в бесконечную стройку, в погоню за цифрами и актами. Ты перестала быть женщиной, ты стала прорабом в юбке. Паулина... она другая. Она видит во мне то, что ты давно забыла. Ей не важно, сколько мешков смеси я купил, ей важен я сам.

Инструмент и технику я забрал — это мой хлеб, мне нужно на чем-то подниматься в новой жизни. Квартира остается тебе, это справедливо, она и так по документам твоя от бабушки. Кредиты... ну, ты же сама их оформляла, тебе и разруливать. Ты сильная, Анора. Ты всегда была сильнее меня. Ты справишься.

Не ищи меня. Счета я обнулil — нам с Паулиной нужно на что-то обжиться на первое время. Считай это моей выходной компенсацией за двадцать лет рабства у твоих амбиций.

Прощай. Г. С.»

Я перечитала записку дважды. «Рабство у моих амбиций». Значит, то, что я пахала без выходных, чтобы мы мог-

ли строить дачу, то, что я выбивала скидки у поставщиков, чтобы у него были лучшие материалы, то, что я закрывала его косяки перед заказчиками — это было моим тиранством. А его уход с моими деньгами — актом освобождения.

Я положила листок на стол. Внутри меня что-то окончательно перегорело. Как предохранитель при коротком замыкании. Боли больше не было. Осталась только звенящая, кристальная пустота.

В кармане пискнул телефон.

Я вздрогнула. Сообщение. Наверное, дочь? Таисия должна была вернуться завтра утром, но вдруг она решила приехать раньше? Если она увидит разгромленную квартиру...

Я быстро вытащила телефон. Это было системное уведомление от банка.

«Внимание! Вход в мобильное приложение осуществлен с нового устройства. Если это не вы, заблокируйте карту».

Следом — еще одно.

«Смена пароля в онлайн-банке прошла успешно».

И финальный аккорд — пуш-уведомление о транзакции.

«Списание: 412 000.00 руб. Остаток: 14.20 руб. Сообщение: Перевод на счет частному лицу».

Я смотрела на экран, и цифры расплывались перед глазами. Четыреста двенадцать тысяч. Всё. Наш кредитный резерв. Те самые деньги, которые я отложила вчера, и те крохи, что оставались на текущие расходы. Плюс — остаток с аванса Плетнева на материалы.

Он не просто ушел. Он вычистил меня под ноль.

Я села на табурет — единственный, который он, видимо, не успел впихнуть в машину. Четырнадцать рублей двадцать копеек. Цена моей двадцатилетней жизни. Примерно стоимость одного рулона самого дешевого малярного скотча.

Я посмотрела на свои ладони. Завтра мне нужно быть на объекте. Завтра приедет технадзор. Завтра приедет Плетнев. А у меня нет ни инструмента, ни денег на материалы, ни мужа, который должен был отвечать за кладку.

Я подняла голову и посмотрела на пустой угол, где раньше стояла кофемашина. В окне отражалось мое лицо в шелковом платье цвета шампанского. На губах всё еще держалась стойкая помада.

— Ты думаешь, я сильная, Гоша? — спросила я пустоту.
— Ты думаешь, я справлюсь?

Я встала. Спокойно, без лишних движений. Прошла в прихожую, закрыла дверь на цепочку. Затем вернулась на кухню, взяла записку, аккуратно сложила её вчетверо и положила в карман своей рабочей куртки, висящей на крючке.

Завтра начнется демонтаж. Настоящий. Не того дома, что мы строили для Плетнева, а того ада, в который превратилась моя жизнь.

Я подошла к раковине, открыла кран и начала смывать макияж. Тщательно, слой за слоем. Вместе с помадой и тушью в сток уходила Анора — жена творца. Оставалась Анора Светлакова — женщина, которой нечего терять, кроме че-

тырнадцати рублей и своей чести.

— Справедливо, значит? — я посмотрела на свое отражение, бледное и чистое. — Ну что ж, Гоша. Справедливость — это когда каждый получает по смете. И я тебе обещаю: твоя итоговая смета тебе очень не понравится.

Я выключила свет на кухне. Квартира погрузилась во мрак, и только огни города за окном рисовали на пустых стенах причудливые, ломаные линии. Линии будущего, которое мне предстояло начертить заново. Без ластика. И без права на ошибку.

Я легла в кровать прямо в платье — не было сил раздеваться. Шелк казался холодным, как саван. Но перед тем как провалиться в тяжелый, безрадостный сон, я успела подумать об одной вещи.

У Гоши были мои инструменты. У Гоши были мои деньги. У Гоши была молодая любовница.

Но у Гоши не было главного. У него не было мозгов. Он думал, что украл у меня ресурсы. На самом деле он просто избавил меня от балласта.

Четырнадцать рублей двадцать копеек.

— Достаточно для начала, — прошептала я, закрывая глаза. — Вполне достаточно, чтобы купить коробку спичек. И сжечь всё, что мешает мне идти дальше.

Завтра. Всё будет завтра. А сегодня... сегодня я просто позволю этой тишине поглотить меня. Чтобы завтра проснуться и начать первый рабочий день моей новой реаль-

ности. День первый. Демонтаж завершен. Приступаем к расчистке площадки.

Глава 3 (Гоша)

от лица Гоши

Запах старого «Форда» преследовал меня даже здесь, в стерильной прохладе подземного паркинга элитного ЖК «Аврора». Это был густой, въедливый дух мужского пота, дешевого табака и застоявшейся известковой пыли. Я ненавидел этот запах. Двадцать лет он был моей кожей, моей аурой, моим проклятием.

Я заглушил мотор, и фургон в последний раз содрогнулся, словно издыхающий зверь. В зеркале заднего вида отразились штабеля коробок в кузове. Там, под слоем ветоши, покоилось мое «выходное пособие». Чемоданы с «Хилти» — тяжелые, надежные, пахнувшие качественным пластиком и машинным маслом. Кофемашина «Делонги» — Нора за нее едва не тряслась, вытирала каждое утро специальной тряпочкой. Телевизор. По мелочи — мой графический планшет, пара элитных смесителей, которые я припас с прошлого объекта.

Я не вор. Я просто забрал свою долю. Анора — баба железная, она из куска бетона копейку выжмет. У нее квартира от бабки, у нее связи, у нее репутация «самого надежного прораба в юбке». Она не пропадет. А мне нужен старт. Творцу нужны крылья, а не гири на ногах.

Я вышел из машины, и мои рабочие ботинки — пыль-

ные, со стоптанными задниками — глухо чавкнули по идеально чистому, наливному полу паркинга. Рядом стоял чей-то «Порше» цвета мокрого асфальта. Сверкающий, хищный, дорогой. Я провел пальцем по его боку, оставляя серый след. Скоро у меня будет такой же. Или лучше.

В кармане завибрировал телефон. Я достал его, предвкушая очередной поток проклятий от Аноры, но экран светился радостным уведомлением из банковского приложения.

Перевод выполнен. 412 000 рублей.

Я усмехнулся. Пароль она поменять не успела — слишком была занята своим театральным уходом из ресторана. Анора всегда была предсказуемой: если случается катастрофа, она сначала выпрямляет спину, а уже потом думает о ресурсах. А я подумал первым. Эти деньги — мой страховой фонд. Мой билет в мир, где не нужно считать каждый мешок шпаклевки.

Панорамный лифт понес меня вверх, на двадцать четвертый этаж. Город под ногами расстился россыпью огней, похожий на чертеж, выполненный светящейся тушью. Я смотрел на свое отражение в зеркальной панели. Уставшее лицо, залегшие тени под глазами... Но глаза горели. Двадцать лет я был «Гошей-золотые-руки». Человеком-функцией. Теперь я — Георгий Светлаков. Дизайнер. Творец.

Двери лифта бесшумно разъехались. Коридор пах дорогим освежителем — что-то цитрусовое с нотками сандала. Я подошел к двери номер 112 и нажал на кнопку звонка.

Паулина открыла почти сразу.

Она была похожа на видение из другого, правильного мира. Тонкая, почти прозрачная в своем шелковом халате цвета пыльной розы. Волосы рассыпаны по плечам, кожа светится, как дорогой сатин. Никакой затирки под ногтями, никакой усталости в глазах.

— Мой гений пришел, — прошептала она, и этот голос был слаще любого виски.

Она не стала спрашивать, почему я в грязной куртке. Она не стала пилить меня за то, что я опоздал. Она просто прижалась ко мне, и я почувствовал, как отступают последние двадцать лет серой, пыльной жизни.

— Ты всё сделал? — она заглянула мне в глаза, и в ее зрачках отражалось мое величие, которое Анора так старательно затаптывала все эти годы.

— Всё, — я прошел в квартиру, чувствуя себя хозяином положения. — Я свободен, Поль. Начисто.

Квартира Паулины была воплощением моей мечты о минимализме. Никакого хлама, никаких «памятных безделушек» и старых пледов. Стекло, бетон, открытое пространство. Панорамные окна в пол, за которыми мигал огнями город. Это был мой масштаб.

— Папа звонил, — она грациозно опустилась на белоснежный диван, поджав под себя стройные ноги. — Спрашивал, почему ты уехал с объекта раньше времени. Но я сказала, что у тебя творческий кризис и тебе нужно вдохновение.

Я поморщился. Плетнев-старший был тяжелым человеком. Старой закалки, как и Анора. Для него работа — это дисциплина и графики. Но он обожал свою дочь. Если Паулина скажет, что я гений, он поверит. Он даст мне лучшие заказы. Он сделает меня лицом своего нового девелоперского проекта.

— Завтра я с ним поговорю, — я сел рядом, чувствуя, как диван мягко принимает мое тело. — Нужно пересмотреть концепцию малой гостиной. Тот вариант, что мы набросали с Норой... он слишком приземленный. Слишком «бытовой». Тебе нужно что-то более воздушное, лондонское.

— Я знала, что ты это скажешь, — Паулина улыбнулась, обнажая ровные, ослепительно белые зубы. — Нора слишком... обычная, Гош. Она как типовая застройка. Надежно, но скучно. А ты — это архитектура будущего.

Эти слова действовали на меня лучше любого допинга. Анора всегда говорила: «Гош, спустись на землю, у нас смета трещит». Паулина говорила: «Лети».

Я вспомнил Таисию. На секунду в груди что-то кольнуло — коротко, как укол старой иглой. Дочь. Моя Таська. Она была единственным, что в той, старой жизни имело смысл. Но потом я вспомнил ее взгляд в последнее время — осуждающий, холодный, точно такой же, как у матери. Она стала продолжением Аноры. Она тоже начала учить меня жить.

«Она взрослая, — успокоил я себя. — Анора ее не бросит, вытянет. У Аноры хребет из арматуры, она и не такое пере-

живет. А мне нужно жить сейчас. Другого шанса не будет».

Паулина встала и подошла к бару. Послышался мягкий щелчок открываемой бутылки. Звук дорогого вина, льющегося в тонкий хрусталь. Никаких пластиковых стаканчиков, никаких перекусов на бегу между магазинами сантехники.

— За твою свободу, — она протянула мне бокал.

Я сделал глоток. Вино было терпким, холодным и неприлично дорогим. Я чувствовал, как по венам разливается тепло. Я — альфа-самец. Я — мужчина, который смог изменить свою судьбу.

— У меня есть кое-что для тебя, — я вспомнил о синем конверте в кармане куртки. — Сюрприз.

Я достал конверт. На фоне белого дивана он выглядел ярким пятном. Паулина приподняла бровь, в ее глазах промелькнуло любопытство, смешанное с привычной ленивой уверенностью.

— Что это? Очередная смета? — она рассмеялась.

— Нет. Это инвестиция в твою красоту.

Я открыл конверт и достал коробочку. Бархат был приятным на ощупь. Внутри, на черной подложке, сверкал браслет. Триста восемьдесят тысяч. Почти четыре сотни «штук», которые Нора откладывала на кредит за дачу. Те деньги, из-за которых она не спала ночами, сводя дебет с кредитом.

Браслет был прекрасен. Золото 750 пробы, сапфиры цвета ночного неба и бриллианты, искрящиеся под светом диодных ламп. Это был шестнадцатый размер. Изящный, кро-

шечный — именно для такой руки, как у Паулины. Анора никогда бы не влезла в него. Ее запястье — это запястье рабочего человека, крепкое, широкое. А Паулина... она была создана для таких украшений.

Я ждал восторга. Я ждал, что она бросится мне на шею, что в ее глазах вспыхнет признательность. Ведь для меня это была огромная сумма. Месяцы работы, тысячи замеров, сотни литров пота.

Паулина взяла коробочку, мельком взглянула на браслет. — О, Бисмарк? — она коснулась пальцем звеньев. — Мило. Синие камни сейчас в тренде. Спасибо, Гошик.

Она не стала его примерять. Она просто встала и подошла к комоду у зеркала. Там уже лежала какая-то мелочь: пара колец, ключи от ее «Мерседеса», чеки из спа-салона и гора каких-то визиток.

Она небрежно бросила коробочку на этот завал. Браслет даже не был закрыт — он сиротливо сверкнул камнями и скрылся под связкой ключей.

— Пойдем, — она поманила меня пальцем, направляясь в сторону спальни. — Я хочу, чтобы ты посмотрел мои новые эскизы для папиного офиса. Мне кажется, там не хватает твоего... грутального штриха.

Внутри меня что-то на мгновение дрогнуло. Триста восемьдесят тысяч рублей. Мой годовой бонус, моя заначка, мой «великий жест». И он просто лег рядом с ключами от машины, как обычная безделушка.

На секунду перед глазами всплыло лицо Аноры. Как бы она отреагировала? Она бы заплакала. Она бы начала ругаться, что это слишком дорого, что мы не можем себе этого позволить, но потом она бы надела его и носила, не снимая, без оглядки бы каждую искорку. Она бы знала цену этого подарка. Она знала цену каждому рублю, потому что сама его зарабатывала.

Я тряхнул головой, прогоняя наваждение.

«Это другой уровень, Гоша, — внушил я себе. — Для таких, как Паулина, это норма. Ты должен соответствовать. Не будь провинциальным жлобом, который считает копейки».

Я встал и пошел за ней. Шелк ее халата скользил по бедрам, и этот ритм усыплял мою совесть.

— Идем, мой гений, — повторила она, не оборачиваясь.

Я зашел в спальню. Здесь пахло лавандой и дорогими свечами. На огромной кровати были разбросаны листы ватмана — ее «чертежи». Я подошел ближе. Линии были неровными, пропорции нарушены, в расчетах — полная неразбериха. Любой прораб за такой проект выгнал бы архитектора со стройки в тот же день.

Но я улыбнулся.

— Очень смело, Поль. Очень свежо. Мы это доработаем. Я подправлю техническую часть, и отец будет в восторге.

— Я знала, что ты поймешь, — она прижалась ко мне со спины, обвив мою талию тонкими руками. — Ты ведь единственный, кто видит во мне художника, а не просто дочку

Плетнева.

Я закрыл глаза. В этот момент я верил всему, что она говорила. Я хотел верить.

Где-то там, в другом конце города, Анора, наверное, сидела на кухне и пересчитывала убытки. Она, наверное, уже поняла, что счета пусты. Наверное, звонила в банк, пыталась что-то доказать. Но закон был на моей стороне — счета были общими, я имел право.

Я чувствовал себя победителем. Я обставил систему. Я обставил «железную леди».

— Знаешь, — прошептал я, разворачиваясь к Паулине. — Завтра мы начнем новую жизнь. Без прошлого. Только ты, я и большие проекты.

— Конечно, — она потянулась к моим губам. — Только... Гошик?

— Да?

— Перепаркуй завтра свой фургон подальше от входа. Соседи жалуются, что он портит вид парковки. И... от него пахнет цементом. Меня тошнит от этого запаха.

Я замер. Улыбка на моем лице стала натянутой, как перетянутая струна.

— Да, конечно. Завтра же отгоню его на стоянку. Или продам. Он мне больше не нужен.

Я обнял ее, стараясь не думать о том, что в этом фургоне лежат мои инструменты. Мой «хлеб». Мое прошлое, которое я так старательно пытался вычеркнуть.

В спальне было тихо и тепло. За окном переливался огнями город — мой новый город, который я собирался покорить. Я был уверен в себе. Я был полон сил.

И только где-то на самой периферии сознания, как назойливая муха, билась одна и та же мысль:

Размер шестнадцать. Она его даже не примерила.

Я прижал Паулину к себе крепче, заглушая этот шепот. Сегодня я — король. А короли не обращают внимания на мелочи. Завтра наступит утро, и всё будет по-другому. Завтра я стану великим.

А Анора... Анора справится. Она всегда справлялась. Она ведь «железная». А железу не больно. Железо не чувствует холода пустого дома.

Глава 4

Шелк вчерашнего платья за ночь превратился в холодную, скользкую удавку. Я открыла глаза и не сразу поняла, почему потолок кажется таким низким, а свет, пробивающийся сквозь щель в шторах, — таким агрессивным. В висках стучало ровно и тяжело, будто кто-то за стеной включил бетономешалку на малых оборотах.

Я попыталась пошевелиться, и ткань платья затрещала, прилипнув к вспотевшей спине. Вчерашний праздник. Двадцать лет. «Монарх». Ресторанный джаз и синий конверт в бардачке.

Память возвращалась не плавно, а короткими, болезненными ударами электрического тока.

Пустые полки в шкафу.

Снятый со стены телевизор.

Обрезанные провода в углу кухни, где еще вчера стояла моя итальянская «Делонги».

И записка. «Справедливо».

Я села на кровати, спустив ноги на холодный пол. На наволочке осталось темное, бесформенное пятно от вчерашней

туши — черная клякса на моей безупречной репутации идеальной жены. Голова кружилась так сильно, что пришлось ухватиться за край матраса.

Вчерашняя Анора, та, что выбирала затирку «утренний туман» и верила в сюрпризы, осталась там, на веранде ресторана. Сегодняшняя Анора была похожа на объект после демонтажа: голые кирпичи, торчащая арматура и кучи строительного мусора в душе.

Телефон на прикроватной тумбочке завибрировал. Звук показался оглушительным. Я зажмурилась, нашарила аппарат и посмотрела на экран.

Автоинформатор банка.

Я приняла вызов, прижав трубку к уху. Сухой, механический голос, лишенный всякого сочувствия, сообщил мне, что по моему счету образовался технический овердрафт. И что плановый платеж по кредитному договору номер такой-то от такого-то числа не был совершен из-за отсутствия средств.

Четыреста двенадцать тысяч. Гоша не просто ушел. Он не просто купил браслет Паулине. Он обнулил всё, до чего дотянулись его «золотые руки». Триста восемьдесят тысяч, которые я по копейке собирала на годовой транш за дачу, теперь сверкали на тонком запястье двадцатилетней девицы. Или просто лежали в ее шкатулке среди другой бижутерии.

— Срок погашения задолженности — три дня, — произ-

нес робот. — В случае неуплаты...

Я сбросила вызов.

Три дня. Через три дня банк начнет процедуру изъятия залога. Нашей дачи. Того самого «родового гнезда», в которое я вложила не только деньги, но и все свои выходные за последние пять лет.

Я встала. Ноги были ватными, но внутри уже просыпался тот самый холодный, расчетливый прораб, который умел выживать в любых условиях.

Кухня встретила меня стерильной, звенящей пустотой. Я по привычке протянула руку к столешнице, чтобы нажать кнопку кофемашины, и пальцы наткнулись на пыль. На то самое место, где Гоша оставил мокрое пятно.

Вода из-под крана показалась невкусной, с металлическим привкусом старых труб. Я пила жадно, глядя на записку, которую он оставил под сахарницей. «Ты сильная, Анора».

— Тварь, — прошептала я, и голос мой прозвучал на удивление твердо. — Какая же ты мелкая, дешевая тварь, Гоша.

В этот момент телефон снова ожил. На этот раз это был не робот. На экране высветилось: «Плетнев (Личный)».

Сердце пропустило удар. Петр Петрович Плетнев. Заказчик, чей особняк был нашей единственной надеждой на спасение. И по совместительству — отец Паулины. Знал ли он? Вчера в доме он казался обычным, деловым. Но Гоша... Го-

ша вчера сбежал с веранды именно к его дочери.

Я глубоко вздохнула, расправила плечи, будто Плетнев мог меня видеть через камеру, и ответила:

— Да, Петр Петрович. Доброе утро.

— Доброе? — Голос Плетнева взорвался в трубке, как динамитная шашка. — Ты это называешь добрым утром, Светлакова? Я приехал на объект в восемь ночи... ой, в восемь утра! Здесь тишина как на кладбище! Твои костоломы сидят на крыльце, курят и говорят, что прораб не выдал наряд на день! Где твой муж, Анора? Где этот «великий зодчий»?

Я зажмурилась. Сашка и Виталик. Мои верные солдаты остались без приказа.

— Георгий Львович... приболел, Петр Петрович, — я ненавидела ложь, но сейчас правда выглядела бы еще жалче. — Внезапный приступ. Я сейчас...

— Слышать ничего не хочу! — Плетнев перешел на крик. — Болеть он будет на пенсии! У меня через две недели прилетает ландшафтник из Франции, мне нужно, чтобы фасад был закончен под ключ! Если через два часа на объекте не начнется движение, я ввожу в действие пункт десять-четыре твоего договора. Неустойка — пять процентов от суммы контракта за каждый день просрочки. Ты меня слышишь, Анора? Я тебя по миру пушу!

— Я слышу вас, — ответила я, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугий узел.

— И еще, — Плетнев немного сбавил тон, но в нем по-

явилось что-то более опасное, чем крик. — Я устал от ваших завтраков. Моя дочь жалуется, что Георгий постоянно путает чертежи и не может нормально рассчитать объем материала. Я нанял человека.

Я застыла.

— Какого человека?

— Технадзор. Независимый аудит. Матвей Монахов. Слышала такое имя? Нет? Так вот, он сегодня в двенадцать будет на объекте. И если он найдет хотя бы одну трещину в твоём хваленном фундаменте или хоть один липовый чек в смете — мы расторгаем контракт в одностороннем порядке. Без выплаты остатка.

Матвей Монахов. Я слышала это имя. «Цербер». «Убийца подрядчиков». Человек, который закрыл больше строительных фирм, чем открыл налоговый инспектор. Если он придет и увидит, что Гоша вел документацию на салфетках, а я не успела подбить хвосты — это конец.

— Два часа, Анора! Время пошло! — Плетнев бросил трубку.

Я осталась стоять посреди кухни, сжимая телефон так, что побелели костяшки пальцев.

Итак. Вводные данные.

Денег — четырнадцать рублей.

Машина в ремонте.

Фургон у Гоши.

Инструменты Hilti — у Гоши.

В банке — овердрафт.

На объекте — бунт рабочих.

В двенадцать часов — встреча с палачом по имени Матвей Монахов.

Я посмотрела на свои руки. Они дрожали. Мелкая, противная дрожь, которая выдавала мой страх. Но страх — это плохой советчик при расчете нагрузок. Мне нужна была ярость.

Я пошла в ванную. Взглянула на себя в зеркало и едва не отшатнулась. Женщина в отражении выглядела так, будто ее пропустили через бетономешалку вместе с острым щебнем. Опухшие глаза, размазанная тушь, бледная кожа. Жалкое зрелище.

Я содрала с себя шелковое платье. Оно упало на кафель бесформенной кучей. Красивая тряпка за сто тысяч, которая не смогла удержать мужчину, но смогла сделать меня беспомощной.

Холодный душ.

Ледяная вода обрушилась на плечи, выбивая из легких остатки вчерашнего воздуха. Я терла кожу мочалкой до тех пор, пока она не стала ярко-пунцовой. Смывала запах «Монарха», запах Гошиного одеколона, запах собственного унижения.

Я вышла из душа, завернувшись в жесткое полотенце. Голова прояснилась.

Такси. У меня нет денег на такси. Карты заблокированы, налички нет — Гоша выгреб даже вазочку в прихожей, где мы хранили мелочь на чаевые курьерам.

Я подошла к шкафу. Достала свои старые, проверенные рабочие джинсы. Серую рубашку из плотного хлопка. Тяжелые ботинки с усиленным носком. Это была моя настоящая кожа. Моя броня.

Вернувшись к зеркалу, я взяла косметичку. Мои движения стали четкими, скупыми. Тональный крем скрыл тени под глазами. Пудра убрала нездоровый блеск. Но этого было мало.

Я открыла потайное отделение в сумке и достала футляр. Помада. Густого, кроваво-красного цвета. Я купила ее неделю назад для юбилея, но побоялась накраситься — Гоша всегда говорил, что яркие губы делают меня «слишком агрессивной». Ему нравились нежные, пастельные тона. Ему нравилась мягкость, об которую так удобно было вытирать ноги.

Я приставила помаду к губам и провела линию. Твердо. Уверенно.

Красный на бледном лице смотрелся как открытая рана. Или как сигнал «Стоп».

— Ты думал, я сильная, Гоша? — спросила я свое отражение. — Ты ошибался. Я — несущая конструкция. А ты всего лишь декоративная панель, которая отвалилась при первом же сквозняке. И я тебе обещаю: ты об этом очень сильно пожалеешь.

Я убрала помаду в карман.

В прихожей я надела куртку. В кармане нащупала записку Гоши. Смяла её в плотный комок и бросила в мусорное ведро. Туда же отправила и визитку ресторана.

Мне нужно было на объект. Мне нужно было спасти Тасию, свою квартиру и свое имя.

И если для этого мне придется пройти через ад по имени Матвей Монахов — я пройду. Но сначала мне нужно было решить вопрос с транспортом.

Я вышла из квартиры и захлопнула дверь. Звук замка прозвучал как выстрел в тишине подъезда.

Внизу, у подъезда, я увидела соседа, дядю Колю. Он возился со своей старой «Нивой».

— Николай Иванович, доброе утро, — я подошла к нему, чеканя шаг. — Выручите? До «Кедрового» подбросите?

— Анорочка? — сосед разогнулся, вытирая руки вето-

шью. — А чего не на своей? И вид у тебя какой-то... боевой. Случилось чего?

— Случилось, Николай Иванович. Стройка века случилась. Поехали? С меня — лучший коньяк с первой полочки.

Сосед посмотрел на мои красные губы, на решительно сжатые кулаки и молча открыл пассажирскую дверь.

— Садись. С такой тобой спорить — себе дороже.

«Нива» взревела, выплевывая сизый дым. Мы рванули с места.

Я смотрела в окно на проносящийся мимо город. Августовское солнце заливало улицы золотом, но я видела только серый бетон и пыль.

Через полтора часа я должна быть на объекте.

Я должна успокоить Плетнева.

Я должна заставить Сашку и Виталика работать без инструментов.

И я должна выстоять перед Монаховым.

Я коснулась пальцем губ. Помада лежала идеально. Как боевой раскрас индейца, вышедшего на тропу войны.

Держись, Гоша. Твое «справедливо» только что стало моим «не прощу». И счет за этот ремонт будет выставлен тебе в полном объеме. С учетом всех штрафных санкций и пеней.

Я закрыла глаза и начала в уме набрасывать план сегодняшнего дня. Мозг работал как отлаженный компьютер. Четырнадцать рублей двадцать копеек на счету — это не конец. Это просто точка отсчета.

— Прибавьте газу, Николай Иванович, — попросила я, не открывая глаз. — Мы опаздываем на демонтаж прошлого.

Машина подпрыгнула на кочке и понеслась к выезду из города. Впереди был «Кедровый», особняк Плетнева и самый сложный экзамен в моей жизни. Но я знала: фундамент у меня крепкий. И я не позволю никому его разрушить. Ни мужу-предателю, ни злобному технадзору, ни собственной боли.

Время мягкости закончилось. Наступило время бетона.

Глава 5

Старая «Нива» дяди Коли чихала, кашляла и извергала клубы сизого дыма, который в стерильном воздухе элитного поселка «Кедровый» казался почти преступлением. Здесь даже выхлопные газы дорогих иномарок, проезжавших мимо, пахли, кажется, горной свежестью и успехом. Я сидела на переднем сиденье, вцепившись пальцами в облезлый поручень, и чувствовала каждую кочку позвоночника.

— Приехали, — Николай Иванович затормозил у кованых ворот, украшенных вензелями. — Ты это, Анорочка... Если что, звони. Я подмогу. Хоть кирпичи таскать, хоть рожу кому начистить.

Я посмотрела на его мозолистые руки на руле и слабо улыбнулась.

— Спасибо, дядь Коль. Коньяк с меня.

Я вышла из машины, и жаркий августовский воздух тут же облепил лицо, как мокрое полотенце. Солнце стояло в зените, превращая гравийную дорожку в раскаленную сковороду. Я поправила лямку тяжелой сумки, в которой лежал только блокнот, лазерная рулетка и остатки моей гордости. Фургон нет. Инструментов нет. Есть только я и красная помада, которая, как мне казалось, была видна за километр.

Ворота особняка Плетнева были распахнуты. Я вошла на

территорию, стараясь чеканить шаг, хотя ноги в тяжелых ботинках после бессонной ночи казались налитыми свинцом.

На крыльце, в тени массивного козырька из лиственницы, сидели Сашка и Виталик. Увидев меня, они не вскочили, как обычно. Сашка медленно затушил окурок о подошву сапога, а Виталик просто отвел глаза, разглядывая бетономешалку, которая сегодня подозрительно молчала.

— Чего сидим? — мой голос прозвучал суше, чем песок на карьере. — Время — двенадцать. Плетнев в доме?

— В доме, Борисовна, — Сашка поднялся, отряхивая штаны. Голос у него был хриплый, виноватый. — Только работать-то чем? Георгий Львович вчера вечером фургон подогнал, сказал — профилактика инструмента. Всё вывез. Даже расходку забрал. У нас вон... — он кивнул на пустой угол веранды, — только пара шпателей осталась и ведро старое.

Я сжала зубы так, что заныли челюсти. Профилактика. Гоша всегда любил красивые слова для своих гнилых поступков.

— Инструмент будет, — отрезала я, хотя не представляла, где его возьму без единого рубля на счету. — А пока — берите щетки, веники и вычищайте второй этаж под чистовую. Чтобы ни пылинки. Понятно?

Рабочие переглянулись. В их взглядах я прочитала всё: и сомнение, и жалость, и тот самый вопрос — «где хозяин?». Но под моим взглядом Виталик всё же кивнул и поплелся в дом.

Я вошла следом.

Внутри особняка пахло дорогой отделкой — натуральным деревом, камнем и тем особым ароматом «больших денег», который ни с чем не спутаешь. Но сегодня к нему примешивался запах надвигающейся грозы.

Петр Петрович Плетнев стоял в центре гостиной, заложив руки за спину. Высокий, плотный, с коротко стриженной седой головой, он напоминал старого льва, которому забыли принести обед. Рядом с ним на раскладном столике лежали наши чертежи — те самые, которые Гоша рисовал ночами, а я потом пересчитывала, исправляя ошибки в размерах.

— Явилась, — Плетнев не обернулся, но я кожей почувствовала его ярость. — А где твой благоверный? Где наш «Микеланджело» районного масштаба?

Я подошла ближе, остановившись в паре метров.

— У Георгия Львовича форс-мажор по здоровью, Петр Петрович. Я за него.

Плетнев резко развернулся. Его маленькие, пронизательные глаза впились в мое лицо. Он долго рассматривал мою красную помаду, мои запыленные джинсы и прямую спину.

— За него, значит? — он усмехнулся, и в этой усмешке не было ни капли тепла. — Анора, я тебя уважаю как бабу, которая тащит на себе снабжение. Но стройка — это не про чеки из магазинов. Это про дисциплину. Твой муж вчера сорвался с объекта, не доделав узлы примыкания в холле. Се-

годня его нет. Телефон молчит. Моя дочь... — он на секунду запнулся, и его лицо дернулось, — Паулина говорит, что он вообще перестал соображать в проекте.

Я промолчала. Сказать ему, что его дочь сейчас, скорее всего, спит в объятиях моего мужа на простынях, купленных на мои деньги? Нет. На Литнете такие сцены хороши для финала, а сейчас мне нужно выжить.

— Я всё доделаю, — произнесла я максимально спокойно. — У меня есть бригада, есть проект. Нам нужно две недели.

— Две недели у тебя было вчера, — Плетнев отошел к окну. — А сегодня я пригласил человека, который скажет мне, стоит ли вообще продолжать с вами работать. Или проще вышвырнуть вас за ворота без выходного пособия и нанять нормальную контору.

Из тени столовой, куда я до этого не заглядывала, вышел мужчина.

Он двигался бесшумно, как хищник, привыкший к комфорту. На нем был безупречный темно-синий костюм-тройка из тонкой шерсти, который сидел так идеально, будто его сшили прямо на нем этим утром. Ослепительно белая рубашка, галстук в тонкую полоску и часы... Я не знала марку, но понимала, что их стоимость перекрывает наш долг по ипотеке раза в два.

Его лицо было высечено из гранита. Резкие скулы, прямой нос и глаза цвета холодного моря в шторм. Ему было около сорока пяти — сорока восьми лет. Возраст, когда мужчина

уже всё доказал миру и теперь просто диктует свои правила.
— Знакомься, Анора, — Плетнев махнул рукой в его сторону. — Матвей Андреевич Монахов. Мой новый технадзор. Независимый аудит.

Монахов подошел ближе. От него пахло дорогим парфюмом — ветивером, цитрусом и уверенностью. Он не протянул руки. Он просто осмотрел меня — с ног до головы, задержавшись на моих рабочих ботинках и остановившись на глазах.

В его взгляде не было ни мужского интереса, ни даже злости. Только холодное, брезгливое любопытство исследователя, изучающего довольно примитивное насекомое.

— Светлакова, — его голос был глубоким, бархатистым, но с такими интонациями, от которых хочется немедленно оправдаться в том, чего не совершал. — Я изучал ваши отчеты сегодня утром. Документация в ужасном состоянии.

— Документацией занималась я, — я вздернула подбородок. — Там всё сходится до копейки.

— Охотно верю, — Матвей Андреевич чуть приподнял бровь. — Бухгалтерская точность — это похвально для домохозяйки. Но здесь мы строим дом, а не сводим баланс в сельпо. Где исполнительные схемы? Где акты скрытых работ по бассейну? Где журналы бетонных работ?

— Всё на объекте, — соврала я, понимая, что все журналы уехал вместе с Гошей в его «новую жизнь».

— Посмотрим, — Монахов повернулся к Плетневу. —

Петр Петрович, я начну обход. Прошу меня не сопровождать, мне нужно сосредоточиться. Светлакова пойдет со мной. Будет... — он снова окинул меня взглядом, — пояснять за творческие порывы своего супруга.

Плетнев кивнул и вышел на террасу, оставив нас вдвоем в огромной, пустой гостиной.

— Пойдемте, Анора Борисовна, — Матвей Андреевич сделал приглашающий жест в сторону лестницы. — Покажите мне, как вы собираетесь спасти этот тонущий корабль.

Мы шли по дому. Монахов не просто осматривал отделку. Он доставал из кожаного чехла лазерный уровень, прикладывал его к углам, проводил рукой по стыкам плитки. Он замечал каждую мелочь: лишний миллиметр зазора, едва заметную волну на шпаклевке, неровный стык плитуса.

Я шла следом, чувствуя, как внутри всё сжимается. Каждое его замечание, брошенное вскользь — «здесь нарушение технологии», «тут сэкономили на грунтовке», — было как удар хлыстом. Это была работа Гоши. Моего Гоши, который вчера в ресторане пел мне дифирамбы о своей гениальности.

— Ваш муж — художник, — произнес Монахов, когда мы вышли на балкон второго этажа. Он не смотрел на меня, его взгляд был устремлен на сад. — А художникам нельзя доверять мастерок. У них кривое восприятие реальности. Почему вы это допустили?

— Мы работаем в паре, — ответила я, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Я отвечаю за ресурсы, он —

за исполнение.

— Ошибка, — Матвей обернулся ко мне. Он стоял слишком близко. Я чувствовала тепло, исходящее от него, и это бесило меня больше всего. — Ресурсы без контроля — это воровство. Исполнение без дисциплины — это халтура. Вы — классический пример семейного подряда, который разваливается при первом же серьезном аудите.

— Вы еще не видели всего, — я попыталась перехватить инициативу. — У нас отличные показатели по инженерии.

— Инженерия? — он тонко улыбнулся. — Ну что ж, проверим вашу «инженерию». Спустимся в цоколь.

Мы спустились в зону бассейна. Здесь было прохладно и пахло сырым бетоном. Чаша бассейна — огромная, сложная конструкция — уже была отлита и подготовлена под гидроизоляцию. Это был самый дорогой и сложный узел объекта.

Матвей Монахов подошел к техническому прямку, где из бетона выходили массивные закладные элементы — трубы забора воды, форсунки, освещение. Он присел на корточки, не заботясь о том, что может испачкать свои дорогие брюки.

Достал фонарик, посветил в узкую щель между трубой и бетоном.

— Светлакова, подойдите сюда, — его голос стал ледяным.

Я подошла, чувствуя, как по спине поползли мурашки.

— Расскажите мне, — он поднял голову, и его глаза в по-

лумраке подвала казались почти черными, — какой именно адгезионный состав использовался здесь для сопряжения закладных деталей с телом бетона? Учитывая, что у нас здесь высокий уровень грунтовых вод и постоянное отрицательное давление воды на чашу.

Я замерла. Я помнила, как Гоша покупал материалы для этого узла. Он взял что-то подешевле, сказав, что «и так сойдет, замажем герметиком, никто не проверит». Я тогда еще спорила с ним, но он отмахнулся: «Нора, не лезь, я десять бассейнов так сдал».

— Мы использовали... — я начала судорожно вспоминать названия из каталогов.

— Не утруждайтесь, — Монахов встал, отряхивая руки шелковым платком. — Я вижу здесь обычный акриловый герметик. Дешевый, бытовой герметик, который выдавит через два месяца эксплуатации. А в журнале работ, который я мельком видел в машине Плетнева, стоит отметка о двухкомпонентной эластичной мембране и набухающем профиле.

Он сделал шаг ко мне, сокращая дистанцию до минимума.

— А теперь ответьте мне на один вопрос, Анора Борисовна. Только честно. Почему я не вижу здесь следов использования этой мембраны? И знаете ли вы, что произойдет с этим домом, когда чашу бассейна прорвет и вода пойдет под фундамент?

Я смотрела в его глаза и понимала: он знает. Он знает всё.

О подмене материалов, о Гошиной лени, о моей беспомощности.

Плетнев замер наверху, на лестнице, прислушиваясь к нашему разговору. От моего ответа сейчас зависело, окажусь ли я сегодня вечером на улице с долгом в несколько миллионов или получу призрачный шанс на спасение.

— Я жду, — Матвей Андреевич чуть склонил голову набок, и в этом жесте было что-то хищное. — Оправдывайтесь. Вы же это умеете? Расскажите мне про «творческое видение» или про то, что «поставщик подвел». Удивите меня.

Я открыла рот, но слова застряли в горле. В этот момент я ненавидела Гошу больше, чем когда нашла чек. Я ненавидела этот бассейн. Но больше всего я ненавидела этого безупречного мужчину, который с легкостью профессионального хирурга препарировал мою разрушенную жизнь.

Матвей Монахов смотрел на меня, ожидая моего краха. И в этом подвале, среди голого бетона и торчащих труб, я вдруг поняла: это и есть мой настоящий первый рабочий день. И красная помада здесь не поможет. Здесь нужны зубы.

— Состав... — начала я, и мой голос, сначала дрогнувший, к концу фразы обрел металлическую твердость. — Состав был заменен по распоряжению...

Я осеклась. Если я сейчас свалю всё на Гошу, Плетнев разорвет контракт немедленно. Если возьму на себя — Монахов меня уничтожит.

— Ну? — подстегнул Матвей. — Чье было распоряжение?

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Мое, — выдохнула я, чувствуя, как внутри всё обрывается. — Распоряжение было мое. И я готова пояснить, почему.

Монахов медленно улыбнулся. Это была улыбка человека, который только что поймал крупную рыбу.

— Слушаю вас внимательно. Удивите меня, Анора. Если сможете.

Глава 6

Воздух в цоколе был неподвижным и тяжелым, как застывший раствор. Мои слова — «распоряжение было мое» — повисли между нами, вызывая у Монахова ледяную, почти издевательскую полуулыбку. Плетнев наверху, на первой ступени бетонной лестницы, шумно выдохнул, и этот звук напомнил мне сброс давления в паровом котле. Еще секунда — и рванет.

— Ваше, значит? — Матвей Андреевич медленно поднялся с корточек, не сводя с меня глаз. — Любопытно. То есть вы осознанно пошли на нарушение проектной технологии, утвержденной заказчиком и государственными нормативами? Вы понимаете, что это не просто «косяк»? Это прямое основание для расторжения контракта по вине подрядчика с выплатой полной суммы ущерба.

Он подошел ближе. Его безупречный костюм в этом недостроенном подвале выглядел чужеродно, как космический корабль на свалке. От Матвея веяло холодом, который не могла пробить даже августовская жара, сочившаяся сверху через открытые проемы.

— Я понимаю, что проект в этом узле был нежизнеспособен, — мой голос не дрогнул, хотя внутри всё вибрировало от страха. — Если бы мы применили мембрану, указанную в спецификации, через полгода эксплуатации чаша бы отсло-

илась.

Монахов коротко рассмеялся. Это был сухой, неприятный звук.

— Вот как? И почему же? Может, поделитесь своими великими инженерными открытиями, Светлакова?

— Потому что ваш архитектор забыл учесть коэффициент линейного расширения при использовании разных типов бетона на чаше и прилегающих конструкциях, — я сделала шаг к технической нише, чувствуя, как красная помада на губах становится моей единственной броней. — Если вы посмотрите на лист АР-42, то увидите, что там заложена жесткая гидроизоляция по деформационному шву. В наших климатических условиях, при такой глубине залегания, это привело бы к разрыву мембраны при первом же сезонном пучении грунта. Тот состав, что я... распорядилась использовать, эластичен. Он работает на разрыв.

Матвей Андреевич замер. Улыбка медленно сползла с его лица, сменившись выражением предельной сосредоточенности. Он не ожидал, что я знаю номера листов проекта. Он вообще не ожидал, что я умею читать чертежи.

— Лист сорок второй? — переспросил он, сузив глаза.

— Именно. И там же, чуть ниже, в примечании номер три, указан тип дренажной подушки, который совершенно не вяжется с вашей схемой отвода конденсата. Если бы мы сделали по-вашему, Матвей Андреевич, точка росы оказалась бы внутри утеплителя. Стены бассейна начали бы цвести плесе-

нюю еще до того, как Плетнев перерезал бы ленточку.

Я видела, как в его глазах промелькнула вспышка. Не ярости, нет. Это было осознание. Он, великий «Цербер», технадзор с безупречной репутацией, проглядел элементарную ошибку проектировщика, которую нашел «дилетант» в запыленных джинсах.

Плетнев, до этого хранивший тяжелое молчание, спустился на пару ступеней ниже.

— Монахов? Что она несет? Это правда?

Матвей не ответил сразу. Он подошел к стене, вырвал из моих рук папку с проектом и начал лихорадочно перелистывать страницы. Бумага недовольно шуршала. Я видела, как напряглись его пальцы, когда он нашел нужный чертеж. Тишина стала звенящей. Было слышно, как наверху Сашка и Виталик шкребут вениками по бетону.

— Она права, — выдохнул Монахов через минуту. Голос его стал еще тише, и от этого — опаснее. — В схеме сопряжения действительно ошибка. Проектировщик использовал шаблон для южных регионов, не адаптировав его под наши грунты.

Он поднял на меня взгляд. В нем больше не было брезгливости. Теперь там была холодная, расчетливая ненависть профессионала к тому, кто посмел ткнуть его носом в грязь. Его эго, выпестованное годами безупречной работы, сейчас кровоточило.

— Однако, — он захлопнул папку так громко, что я

вздрыгнула, — это не оправдывает самовольную замену материалов на более дешевые аналоги. Вы сэкономили на составе около шестисот тысяч рублей, Светлакова. И где эти деньги? В вашем акте сверки они проходят как «закупка по проекту».

— Это... — я сглотнула, лихорадочно соображая. — Это резервный фонд на исправление других узлов.

— Резервный фонд? — Плетнев подошел вплотную, его лицо побагровело. — Вы украли у меня деньги, Анора! Под видом «заботы о проекте» вы впихнули мне дешевку, а разницу положили в карман? Где Георгий? Пусть он мне это в глаза скажет!

— Георгий в больнице, я уже говорила, — я чувствовала, как по спине стекает капля холодного пота. — Деньги на счету. Мы планировали использовать их на финишную отделку хамама, там тоже есть проблемы в смете.

Матвей Монахов смотрел на меня, и я видела, что он не верит ни одному моему слову. Он видел меня насквозь. Он видел за этой красной помадой и фальшивой уверенностью загнанную в угол женщину, которая пытается закрыть амбразуру своим телом.

— Достаточно, — отрезал Монахов. Он повернулся к Плетневу. — Петр Петрович, я предлагаю подняться. Здесь слишком мало воздуха для конструктивного диалога.

Мы вышли на террасу. Солнце слепило, заставляя щуриться. Сад Плетнева с идеально подстриженными газонами

и декоративными соснами выглядел как насмешка над тем хаосом, который творился в моей жизни. Четырнадцать рублей. Столько стоила моя свобода в этот момент.

Матвей Андреевич встал у перил, подставив лицо легкому ветерку. Он достал из кармана антисептик, тщательно протер руки, будто само прикосновение к моим чертежам могло его заразить.

— Ситуация следующая, — заговорил он, не глядя на меня. — Ошибка в проекте действительно имеет место. Это мой недосмотр, я признаю его перед заказчиком. Но ваш способ решения проблемы — это преступление. Вы подделали отчетность, скрыли факт замены и, судя по всему, присвоили средства.

— Я ничего не присваивала! — выкрикнула я.

Монахов медленно повернулся. Его глаза сверкнули, как два скальпеля.

— Тогда вам не составит труда предоставить мне полный отчет. К завтрашнему утру, к десяти часам, на моем столе должны лежать оригиналы всех актов скрытых работ. Все сертификаты на используемые материалы. Все накладные и чеки из магазинов, подтверждающие, что сэкономленные деньги всё еще находятся в обороте фирмы.

Я почувствовала, как внутри всё обрушилось. Гоша никогда не хранил чеки. Он выбрасывал их, терял, заливал кофе. Он вел учет в старой тетрадке, которую, скорее всего, забрал с собой. А деньги... деньги на браслете. Деньги в его новой

жизни с Паулиной.

— Завтра? — я попыталась придать голосу возмущение. — Это невозможно. Документы в офисе, бухгалтер в отпуске...

— Мне плевать, — Матвей сделал шаг ко мне. — Если завтра в десять утра я не получу подтверждения чистоты ваших операций, я пишу заключение о мошенничестве. Плетнев передает дело в прокуратуру. Ваш муж, несмотря на его «приступ», станет фигурантом уголовного дела. И вы — как соучастник.

Плетнев кивнул, подтверждая серьезность намерений. Он выглядел разочарованным.

— Анора, я тебе доверял, — тихо сказал он. — Я думал, ты — мозг этой конторы. Оказалось, ты просто сообщница обычного вора.

Они пошли к выходу с террасы. Монахов остановился у самой двери. Он оправил манжеты своей рубашки, проверил время на часах и посмотрел на меня через плечо. В его взгляде было что-то похожее на спортивный азарт. Он хотел меня раздавить, и он наслаждался процессом.

— У вас три дня, Светлакова, — бросил он, и его голос прозвучал как приговор. — Три дня, чтобы привести объект в соответствие с нормативами и предоставить финансовую отчетность. Либо ваш муж возвращается из своего «запоя», приносит деньги и работает здесь круглосуточно под моим личным надзором, либо вы официально признаете свою пол-

ную некомпетентность.

Он сделал паузу, смакуя момент.

— Вы уйдете с объекта с волчьим билетом, без копейки выплат и с перспективой тюремного срока. Выбирайте, на каком слое лжи вы сломаетесь первой. Хотя, судя по вашему виду, вы уже начали осыпаться.

Они ушли. Хлопнула массивная дверь особняка. Тишина поселка «Кедровый» снова сомкнулась вокруг меня, но теперь она не была спокойной. Она была удушающей.

Я осталась стоять на террасе. Солнце припекало, красная помада на губах казалась тяжелой, липкой. Я посмотрела на свои руки. Они были грязными, в серой бетонной пыли, которую не мог скрыть никакой макияж.

Три дня.

У меня нет инструментов.

У меня нет денег.

У меня нет мужа, который должен стоять здесь и защищать нашу честь.

И у меня есть Матвей Монахов, который вцепился в мое горло и не отпустит, пока не услышит хруст позвонков.

Я подошла к краю террасы и посмотрела на пустую дорогу. Дядя Коля давно уехал. Мне предстояло идти до остано-

ки автобуса несколько километров по жаре в тяжелых ботинках.

В кармане завибрировал телефон. Я вздрогнула, надеюсь... на что? Что Гоша одумался? Что это шутка?

На экране высветилось уведомление от Таисии: «Мам, я скоро буду дома. Сюрприз!».

Я закрыла глаза. Моя дочь возвращалась в пустую квартиру к матери-банкроту, которой грозит тюрьма.

— Ну что ж, Монахов, — прошептала я, чувствуя, как в груди вместо страха начинает расти что-то новое. Что-то твердое и острое, как осколок битой плитки. — Ты хочешь увидеть, как я ломаюсь? Смотри внимательно. Потому что я не осыпаюсь. Я просто провожу демонтаж всего лишнего.

Я развернулась и пошла к выходу. Шаги по каменной плитке звучали уверенно. У меня было три дня. И я собиралась использовать каждую секунду, чтобы превратить этот «тонущий корабль» в боевой крейсер. Даже если мне придется строить его из обломков собственной жизни.

Глава 7

Асфальт шоссе выдыхал сухой, изнуряющий жар. После стерильной прохлады особняка Плетнева реальность казалась слишком громкой и неоправданно грубой. Я шла по обочине, и каждый шаг в тяжелых рабочих ботинках отдавался в позвоночнике тупой, ноющей болью. Мимо пролетали фуры, обдавая меня пыльным вихрем и запахом жженой резины.

Вчера я была совладелицей фирмы, женщиной, чей день расписан по минутам между звонками поставщикам и проверкой смет. Сегодня я — пыльная тень на обочине жизни, судорожно сжимающая в кармане единственную монету и несколько бумажек. Четырнадцать рублей. Стоимость проезда на пригородном автобусе стоила чуть больше, но у меня в другом кармане завалилась горсть мелочи, которую я раньше лениво сбрасывала в пепельницу фургона.

Фургона, который сейчас стоял на элитной парковке под окнами Паулины.

Автобус пришел через полчаса — ржавый, дребезжащий «пазик», набитый дачниками с ведрами и рассадой. В салоне пахло прокисшим молоком, старым текстилем и безнадеей. Я втиснулась между грузной женщиной с огромным баулом и подростком в наушниках. Моя красная помада, которую я наносила утром как боевой раскрас, за день подсохла и стя-

нула губы. Я чувствовала, как она трескается, превращаясь из символа силы в нелепое пятно на измученном лице.

Люди косились на меня. Наверное, я выглядела странно: в грязных ботинках, с профессиональной сумкой через плечо, но с лицом, которое еще вчера принадлежало гостье дорогого ресторана. Я смотрела в окно на проплывающие мимо серые заборы и думала о том, что Монахов прав. Я осыпаюсь.

Но в моем деле есть правило: когда фасад начинает трещать, нужно не замазывать щели, а проверять, не поплыл ли грунт под фундаментом.

До города мы тащились вечно. Когда я наконец дошла до своего дома, солнце уже начало клониться к закату, окрашивая панельные многоэтажки в тревожный медно-рыжий цвет.

Я замерла перед дверью своей квартиры. Тишина внутри больше не была уютной. Она была хищной. Я знала, что Таисия уже там — она прислала СМС еще три часа назад. Моя дочь, мой единственный смысл, возвращалась с каникул в разграбленное гнездо.

Я повернула ключ.

В прихожей горел свет. Таисия стояла в гостиной, спиной ко мне. Её чемодан — ярко-желтый, весёлый — выглядел на фоне пустых стен как инородное тело. Она медленно поворачивала голову из стороны в сторону, словно не узнавала пространство, в котором выросла.

— Мам? — она обернулась.

Ей было девятнадцать. У неё были мои глаза и Гошин упрямый подбородок. Сейчас её лицо было бледным, а в глазах плескалось недоумение, переходящее в тихий ужас.

— Мам, что это? Где... где всё? Где банкетка дяди Корнея? Где телек?

Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Ноги дрожали. Хотелось сползти по косяку на пол и просто закрыть глаза. Но я вспомнила красную помаду. Вспомнила Монахова и его «три дня».

— Тася, пройди на кухню. Я сейчас... я только умоюсь.

— Нет, мам! — она сделала шаг ко мне. — Что случилось? Нас ограбили? Почему ты в таком виде? Почему папа не берет трубку?

Я прошла мимо неё, чувствуя, как от меня пахнет дорожной пылью и поражением. Зашла в спальню. Шкаф Гоши всё так же зиял пустотой, напоминая открытую рану. Я вернулась в гостиную и посмотрела дочери в глаза.

— Нас не ограбили, Тась. Папа... он ушел.

Тишина, наступившая после этих слов, была такой плотной, что её можно было резать малярным ножом. Таисия моргнула раз, другой. Её губы задрожали.

— Ушел? В смысле... на объект? В командировку?

— Насовсем, — я выдохнула это слово, и оно наконец-то стало реальностью, а не кошмаром. — Он забрал вещи. Инструмент. Машину. И все деньги со счетов.

Таисия резко села на диван — тот самый, который Гоша

не успел вывезти только потому, что он не пролезал в двери фургона. Она смотрела на пустую стену, где раньше висел телевизор.

— Но... почему? Вы же вчера... юбилей же был! Двадцать лет! Он же обещал «Монарх»!

— В «Монархе» всё и закончилось, — я прошла на кухню и начала механически переставлять пустые чашки. — Он нашел «родственную душу». Молодую. Перспективную. Дочь Плетнева.

Таисия вскочила. Её лицо из бледного мгновенно стало пунцовым. Гнев в девятнадцать лет — это стихия, не знающая преград.

— Что?! Паулина? Эта расфуфыренная кукла, которая на объекте строила из себя богиню дизайнера? Он ушел к ней?!

Она схватила свой телефон со стола.

— Я сейчас ему наберу! Я ему всё скажу! Он что, думает, он может просто вынести полхаты и свалить к малолетке? Я его прокляну! Я его...

Я рванулась к ней и перехватила руку с телефоном.

— Нет! — мой голос прозвучал резче, чем я хотела. — Таисия, положи телефон. Мы не будем ему звонить. Мы не будем у него ничего просить. И унижаться перед ним — тоже не будем.

— Мам, он украл твои деньги! — выкрикнула она, пытается вырваться. — Он украл мой компьютер! Он украл жизнь! Ты что, собираешься просто молчать?

— Я собираюсь работать, — я отпустила её руку и устало опустилась на табурет. — У меня есть три дня, чтобы не вылететь с объекта Плетнева. У меня есть технадзор, который спит и видит, как меня посадить. И у меня есть ты. Твоя учеба. Твое будущее.

Таисия замерла. Ярость в её глазах сменилась горьким осознанием реальности. Она знала, сколько стоит её обучение на платном отделении. Знала про кредиты.

Она медленно опустилась на табурет напротив меня. Впервые за этот бесконечный день я увидела, как моя маленькая девочка стала взрослой. Она посмотрела на пустой угол, где раньше стояла кофемашина (Гл. 2).

— Мам, — тихо сказала она. — Сколько у нас осталось? Честно.

— Четырнадцать рублей, Тась. И пачка гречки в шкафу.

Она сглотнула. Её пальцы, тонкие и длинные — совсем не такие, как у меня, — нервно перебирали край скатерти.

— Я завтра заберу документы из универа, — твердо произнесла она. — Переведусь на заочный. Или вообще на год возьму академ. Пойду официанткой в тот же «Монарх» или баристой. Мы сэкономим на оплате семестра, это покроет часть кредита...

Внутри меня что-то взорвалось. Это была не боль, а та самая «несущая стена», о которой говорил Корней. Последний рубеж.

— Нет, — я ударила ладонью по столу. — Слышишь ме-

ня? Никогда. Ты не бросишь вуз. Ты не пойдешь разносить кофе мажорам вроде Паулины. Ты будешь учиться. Ты получишь диплом. Это единственное, что он не смог у нас забрать — твои мозги и твои перспективы.

— Но мам, как мы будем платить? Банк...

— Я найду способ, — я взяла её лицо в свои натруженные, пыльные ладони. — Я прораб, Тася. Я умею строить из руин. И я клянусь тебе: ты доучишься. Даже если мне придется ночевать в этом чертовом особняке и мешать раствор вручную.

Мы сидели так долго. На кухне сгущались сумерки. Мы не включали свет — не хотелось видеть пустые места, оставленные Гошей. Мы пили пустой чай, и в этой тишине рождалось что-то новое. Союз двух женщин, которых предали, но не сломили.

— Пойдем спать, — сказала я наконец. — Завтра будет долгий день. Мне нужно найти инструмент. И мне нужно найти способ обмануть Монахова.

Таисия кивнула. Она ушла в свою комнату, а я осталась на кухне. Я смотрела на городские огни за окном и думала о том, что завтра мне нужно будет снова надеть рабочие ботинки и идти на войну.

Я уже собиралась уходить, когда дверь комнаты Таисии распахнулась. Она стояла на пороге, подсвеченная экраном своего смартфона. Её лицо было серым.

— Мам... — голос её сорвался. — Смотри.

Она подошла ко мне и протянула телефон.

— Это Паулина. Она выложила в сторис десять минут назад.

Я взяла аппарат. Экран светился роскошью. Дорогая веранда — кажется, тот самый «Монарх», но в закрытой зоне для VIP. На столе — ведро с шампанским, устрицы на льду. На переднем плане — рука Паулины, тонкая, с безупречным маникюром. И её накрывает мужская рука.

Крепкая, загорелая ладонь с характерным мозолистым выступом на указательном пальце. На запястье — массивные часы-хронограф из лимитированной коллекции. Те самые часы, которые я подарила Гоше на пятидесятилетие свадьбы. На задней крышке там была гравировка: «Моему времени. А.». Я знала этот ремешок на ощупь — кожа была чуть потерта с внутренней стороны.

Подпись под фото, выполненная изящным шрифтом: «Мой гений обещал мне весь мир. И он начал с сапфиров...».

На следующем кадре была та самая коробочка из «Золотого Века». И браслет. Тот самый, шестнадцатого размера, купленный на наши деньги.

— Это папины часы, мам, — прошептала Таисия. В её голосе больше не было слез. Только ледяная, уничтожающая ненависть. — Он сидит там, жрет устриц и дарит ей браслеты на наши деньги. Пока ты идешь пешком по трассе.

Я вернула ей телефон. Красная помада на моих губах

окончательно высохла и осыпалась мелкими чешуйками, но мне было плевать.

— Хорошо, — сказала я, и мой голос был подобен звуку падающей бетонной плиты. — Хорошо, что ты это увидела, Тася. Теперь ты знаешь, кто он такой.

— Что мы будем делать? — Таисия смотрела на меня, ожидая приказа.

Я посмотрела на свои пустые руки. У меня не было кофемашины, не было мужа, не было денег.

— Мы будем делать ремонт, — ответила я. — Но сначала мы заблокируем все карты. И я найду Монахова. Потому что если этот «Цербер» хочет крови, я дам ему кровь. Но не свою.

Я зашла в свою спальню и легла на кровать. Шкаф Гоши смотрел на меня своей пустотой, но теперь это не пугало. Это было место для чего-то нового.

В ту ночь я не спала. Я считала. Не деньги — их не было. Я считала шаги. Три дня до гибели. Двадцать четыре часа до встречи с Монаховым. Десять лет до диплома дочери.

И я точно знала: Гоша Светлаков только что совершил самую большую ошибку в своей «гениальной» жизни. Он оставил меня в живых. А я всегда довожу объекты до конца. Любой ценой.

Глава 8 (Гоша)

от лица Гоши

Кресло в барбершопе «Blade & Soul» было обтянуто такой мягкой кожей, что в нем хотелось не стричься, а исповедоваться. Пахло здесь не дешевым одеколоном «Шипр», как в парикмахерской за углом нашего дома, а какими-то заморскими маслами, дорогим табаком и успехом.

Мастер — парень с бородой идеальной геометрической формы и татуировками, ползущими из-под воротника прямо к ушам — уже полчаса колдовал над моей головой. Он прикладывал к моему лицу горячие полотенца, от которых щипало кожу, мазал щеки чем-то тягучим и маслянистым, орудовал опасной бритвой с такой нежностью, будто я был не прорабом из Липецка, а как минимум наследным принцем.

Я смотрел на себя в зеркало и не узнавал. Где тот мужик, который еще неделю назад брился раз в три дня старым «Жилеттом» над раковиной, пока Анора ворчала под дверью, что мы опаздываем на закупку арматуры? В зеркале отражался стильный, холеный мужчина с модной стрижкой «fade» и аккуратной бородкой, подчеркивающей волевым подбородок.

— Потрясающе, — пропела Паулина.

Она сидела на кожаном диванчике в зоне ожидания, закинув ногу на ногу и потягивая ярко-зеленый смузи через

трубочку. На ней были короткие шорты и топ, открывающий живот — плоский, как лист гипсокартона. Она смотрела на меня как на удачный эскиз, который наконец-то начал обретать реальные формы.

— Я же говорила, Гошик. Под слоем этой строительной пыли прятался настоящий бриллиант. Теперь ты выглядишь как человек, которому папа может доверить дизайн целого квартала, а не просто переклейку обоев в хрущевке.

Я улыбнулся, чувствуя, как внутри расправляются невидимые складки. Вот оно. Признание. Анора за двадцать лет ни разу не сказала мне, что я «бриллиант». Для нее я был «надежным механизмом». Рабочей силой. Она стригла меня сама, машинкой «Филипс», в ванной на табуретке, подложив газету под ноги, чтобы волосы не разлетались. «Гош, ну какая парикмахерская, нам на плитку не хватает!» — вечно бубнила она.

А теперь я был в «Blade & Soul». И мне это чертовски нравилось.

— Ну что, идем дальше? — Паулина спрыгнула с дивана, ее браслеты на тонком запястье мелодично звякнули. Тот самый браслет за триста восемьдесят тысяч. Она его надела. Правда, зацепила им за край сумки и даже не поморщилась, когда металл скрипнул. — Нам нужно сменить этот... гардероб.

Я глянул на свои джинсы — потертые, с едва заметным пятном от белой краски на бедре, которое не выводилось ни-

чем. И старую футболку. Раньше они казались мне удобными. Сейчас — позорными.

Мы вышли на залитую солнцем улицу. Август плавил асфальт, но в центре города, среди бутиков и ресторанов, зной казался не изнуряющим, а каким-то курортным.

Бутик назывался «L'Uomo». Внутри было прохладно и пахло «новыми деньгами». Продавец в костюме, который стоил, наверное, как мой старый фургон, склонился в полупоклоне.

— Нам нужно что-то концептуальное, — Паулина начала перебирать вешалки с такой скоростью, будто это были не вещи, а листы в каталоге. — Никаких скучных пиджаков. Георгий — творец. Ему нужен объем, фактура, свобода.

Она вытащила какие-то зауженные брюки песочного цвета и рубашку с безумным принтом из крупных тропических листьев.

— Примерь это.

Я зашел в примерочную. Брюки оказались настолько узкими, что я едва втиснул в них ноги. Ткань впилась в бедра, а когда я попытался присесть, мне показалось, что я сейчас лопну по швам — и в прямом, и в переносном смысле. Рубашка была из тончайшего шелка, она липла к телу, подчеркивая мой живот. Живот был небольшим, «трудовым», как я его называл, но в этой одежде он выглядел как неоспоримая улика против моей «творческой натуры».

— Выходи, покажись! — нетерпеливо крикнула Паулина.

Я вышел, чувствуя себя как манекен, который по ошибке нарядили в детскую одежду.

— О-о-о! — Паулина захлопала в ладоши. — Божественно! Гоша, ты — икона стиля. Смотри, как эти чиновники подчёркивают твои ноги. Ты выглядишь... дерзко.

— Поля, мне в них дышать трудно, — честно признался я, пытаюсь незаметно оттянуть пояс. — И как в этом работать? Присесть на корточки, чтобы проверить уровень стяжки, в этом невозможно.

Она надула губки — очаровательно, как маленькая девочка, которой отказали в конфете.

— Гошик, какая стяжка? Ты теперь — архитектор. Ты будешь ходить по объекту с планшетом и указывать пальцем, а не ползать на коленях. Для стяжки есть люди. Ты должен соответствовать уровню моего папы. Ты хочешь, чтобы он пригласил тебя в проект «Золотые пески»?

Я посмотрел в зеркало. В отражении стоял человек, который определенно не имел отношения к мешкам с цементом. Дерзкий. Концептуальный. Успешный.

— Берем, — решительно сказал я. — И те туфли на босу ногу тоже.

Мы подошли к кассе. Продавец с вежливой улыбкой озвучил сумму. У меня внутри что-то екнуло. Сто сорок шесть тысяч рублей. За одни брюки, две рубашки и туфли, в которых нельзя ходить по лужам. На эти деньги можно было купить... я невольно начал пересчитывать в уме... три хоро-

ших перфоратора или полную экипировку для бригады на год.

Но я тут же одернул себя. Хватит мыслить как снабженец. Творец не считает копейки.

Я с достоинством достал из кошелька золотую карту ИП «Светлаков». Ту самую, общую. Анора всегда пополняла ее первого числа, выделяя «хозяйственные» деньги. Я знал, что там должно лежать около ста пятидесяти тысяч на закупку фурнитуры для Плетнева.

Я вставил карту в терминал. Ввел пин-код.

Внутри была странная уверенность, что это мой законный трофей. Анора пахала? Пахала. Но я-то творил! Я терпел ее ворчание двадцать лет. Эти деньги — моя компенсация за моральный ущерб.

Терминал долго думал, мигая значком ожидания. Потом издал противный, резкий писк.

«ОТКАЗ. СВЯЖИТЕСЬ С БАНКОМ».

Я нахмурился.

— Техническая ошибка, — пояснил я продавцу, который мгновенно сменил выражение лица с «вы — наш лучший гость» на «кажется, вы ошиблись дверью». — Глюк системы. Попробуем еще раз.

Снова пин-код. Снова ожидание. Снова резкий писк.

«КАРТА ЗАБЛОКИРОВАНА».

Внутри у меня все похолодело. Жаркая волна стыда ударила в голову, а под новой шелковой рубашкой по спине поползли липкие капли пота. Анора. Она это сделала. Она заблокировала карты.

Я вспомнил ее лицо вчера на веранде. Холодное, как кусок мрамора. Она не плакала, не кричала. Она просто... отрезала меня.

— Георгий? Что случилось? — Паулина подошла ближе, ее брови недоуменно взлетели вверх.

— Да... банк подводит, — я попытался выдавить из себя уверенную улыбку, но чувствовал, что мои губы мелко дрожат. — У нас там проверка по ИП, наверное, счета временно заморозили. Бывает такое, когда обороты растут.

Продавец за кассой смотрел на меня уже неприкрыто подозрительно. Паулина медленно достала из своей сумочки тонкую, черную карту.

— Ладно, я оплачу, — сказала она. Тон ее голоса изменился. Ушла эта нежная восторженность, появилась холодная, деловая нотка. — Но ты же говорил, Георгий, что у тебя все финансовые вопросы под контролем. Что ты — мозг компании.

— Так и есть, Поля! — я лихорадочно соображал. — Просто Анора... она же бухгалтер. Она, видимо, решила напоследок подгадить. Мелкая женская месть. Завтра я поеду в банк и все решу. У меня есть личный счет, там крупная сумма.

Я не врал. Четыреста двенадцать тысяч лежали на моем личном счету, который я открыл вчера вечером через онлайн-банк. Но платить сейчас этими деньгами... это были мои последние деньги. Моя подушка безопасности. Тратить их на шмотки в первый же день было страшно.

Паулина расплатилась. Она забрала пакеты и пошла к выходу, не дожидаясь меня. Я плелся следом, чувствуя, как узкие брюки нещадно натирают в паху.

Обед мы провели в веганском кафе «Green Life». Паулина настаивала.

— Тебе нужно очистить карму и организм, Гоша. Твое тело привыкло к тяжелой, плебейской еде. Отсюда эта рыхлость. Творец должен быть легким.

Я жевал безвкусное киноа с каким-то горьким соусом и мечтал о куске мяса. О сочном стейке. Или хотя бы об Анорином борще — густом, наваристом, с чесночными пампушками. Мысли о борще вызвали в желудке предательское урчание.

— Папа ждет тебя в понедельник, — Паулина ковыряла салат, не глядя на меня. — Он хочет видеть концепцию офиса. И учти, он не любит неудачников. Если ты не покажешь класс — он тебя раздавит. И меня вместе с тобой за то, что я за тебя поручилась.

Я кивал, стараясь выглядеть вдохновленным, но внутри росло глухое беспокойство. У меня не было чертежей. У ме-

ня не было даже компьютера — он остался в багажнике фургона, который я припарковал в самом дальнем углу подземного паркинга. А самое главное — у меня не было Аноры, которая обычно подбивала все мои «гениальные идеи» под реальные размеры стен и СНиПы.

Вечер застал нас в ее квартире. Паулина сразу ушла в ванную — «смыть негатив дня». Я остался один в ее стерильной гостиной. Пахло лавандовым диффузором. Красиво, модно, но как-то... не жило. Ни одного лишнего предмета. Никаких уютных пледов, разбросанных книг или запаха домашней еды.

Я чувствовал, что зверски голоден. Киноа пролетело мимо, не оставив и следа сытости. Я подошел к ее холодильнику — огромному, из нержавеющей стали. Внутри было почти пусто. Пара баночек йогурта без сахара, пучок вялой спаржи, бутылка дорогого вина и... всё.

— Поля! — позвал я. — А что у нас на ужин? Может, приготовим что-нибудь?

Дверь в ванную приоткрылась, оттуда вылетело облако пара и голос Паулины:

— Гоша, ты с ума сошел? Я не готовлю. У меня маникюр и вообще, кухня — это зона эстетики, а не жарки котлет. Закажи доставку. В «Монархе» отличные суши с трюфелем.

Я открыл приложение доставки. Сет суши с трюфелем стоил пять с половиной тысяч рублей. Плюс доставка. Плюс

чаевые.

Я посмотрел на экран.

Пять с половиной тысяч за несколько кусочков рыбы с рисом?

Вчера на эти деньги мы с Анорой могли бы неделю кормить всю бригаду полноценными обедами.

Я вспомнил, как Анора готовила по вечерам. Несмотря на усталость после стройки, она всегда что-то жарила, парила. Кухня гудела, пахла уютом. Она ставила передо мной тарелку с горой котлет — домашних, из хорошего мяса, с золотистой корочкой.

— Ешь, Гоша, ты за день набегался, силы нужны, — говорила она, подкладывая мне лишнюю ложку пюре.

Я сглотнул слюну.

Доставка в «Монархе» требовала предоплаты. С моей заблокированной карты.

Просить Паулину оплатить еще и ужин? После фиаско в бутике это было бы верхом унижения. Она и так смотрела на меня сегодня как на неисправный гаджет.

Я закрыл приложение.

На кухонной полке я нашел пачку хлебцов и кусок заветренного сыра, который, видимо, лежал здесь еще со времен постройки этого ЖК.

Я отрезал ломтик сыра, положил на хлебец. Сухая, безвкусная масса.

Стоя у окна и глядя на огни ночного города, я медленно жевал этот импровизированный бутерброд. В узких дизайнерских брюках, которые нещадно жали в талии, с модной бородкой, пахнувший дорогим маслом.

Я был свободен. Я был творцом. У меня была молодая, красивая муза.

Но почему-то в этот момент мне до одури хотелось простого хлеба с маслом. И чтобы кто-то ворчливым голосом сказал: «Гош, ну опять ты крошишь на пол, я же только что убрала!».

Свобода оказалась на вкус как сухой хлебец. Пресная, колючая и очень одинокая.

— Гоша! — крикнула из спальни Паулина. — Закажи мне еще минералку без газа! Только «Evian», другая мне не нравится!

Я вздохнул, достал телефон и посмотрел на остаток баланса на моем личном счету. Четыреста двенадцать тысяч. Теперь они казались не такими уж большими деньгами.

Я начал понимать: в этой новой, красивой жизни всё имело свою цену. И платить, кажется, придется мне. За всё. Да-

же за воздух, которым я дышу в этой стерильной квартире.

Я откусил еще кусок безвкусного бутерброда и почувствовал, как в груди начинает ворочаться первая, пока еще слабая, тень сожаления. Но я ее быстро задавил.

«Это просто усталость, — сказал я себе. — Завтра я высплусь, поговорю с Плетневым, и всё наладится. Я — гений. А гении не едят котлеты».

Только вот желудок со мной был явно не согласен. Он требовал борща. Настойчиво и громко.

Я выключил свет на кухне и пошел в спальню, стараясь не думать о том, что завтра мне снова придется надевать эти проклятые, тесные брюки.

Глава 9

Чайный пакетик в моей кружке заварился до состояния дегтя, но я продолжала гипнотизировать его взглядом, не в силах сделать даже глоток. Кухня в предрассветных сумерках казалась декорацией к фильму о заброшенных городах. Вчерашняя решимость, подпитанная красной помадой и злостью, за ночь выветрилась, оставив после себя лишь саднящую пустоту под ребрами.

— Мам, — Таисия вошла бесшумно, кутаясь в растянутый кардиган. — Перестань дырять кружку глазами. Она не виновата.

Она подошла к столу и положила на клеенку помятый конверт. Я знала, что там. Пять тысяч. Её «ноутбучные» деньги, которые она откладывала с подработок в кофейне и копеечной стипендии. Каждая купюра там была пропитана запахом обжаренных зерен и её надеждой на нормальную учебу.

— Забери, Тась, — я отодвинула конверт, чувствуя, как горло перехватывает спазм. — Я не возьму у тебя последнее. Я мать, а не...

— А не кто? — дочь жестко перебила меня, присаживаясь напротив. — Не банкрот? Мам, у тебя на счету четырнадцать рублей. Тебе нужно доехать до рынка, купить хотя бы базовые расходники и заплатить таксисту. Это не «подарок». Это инвестиция. Ты вытащишь этот объект, и вернешь мне

с процентами. Поняла?

Я посмотрела на её упрямый подбородок — точь-в-точь отцовский, но взгляд... взгляд был мой. Пронзительный, видящий суть. Я медленно потянула конверт к себе. Это было самое унижительное мгновение в моей жизни. Даже вчерашний Монахов с его брезгливым взглядом не причинил мне такой боли, как эти пять тысяч от собственного ребенка.

— Я всё верну, — прошептала я. — Обещаю.

— Я знаю, — Таисия кивнула и включила чайник. — А теперь звони своим «орлам». Посмотрим, сколько из них остались людьми.

Обзвон бригады напоминал вскрытие старого нарыва.

Плиточник Паша, который клялся мне в вечной верности, когда я выбивала ему авансы на лечение тещи, мямлил в трубку:

— Анорочка, ну ты пойми... Гоша звонил ночью. Сказал, там всё, финиш. Суды, счета заблокированы. У меня семья, мне рисковать нельзя. Да и... баба на стройке — это одно, когда муж за спиной. А так... несерьезно это.

Маляр Игорь просто не взял трубку. Электрик Серега честно признался, что Гоша позвал его на «новый секретный проект» и уже перевел задаток.

Я положила телефон на стол. Он был горячим, будто впитал в себя всю ту грязь, которую на меня только что вылили.

— Ну что? — Таисия замерла с кружкой в руках.

— В отказ, — я горько усмехнулась. — Все. Гоша провел «профилактику» не только инструментов, но и мозгов. Сказал им, что я банкрот. Мало кто хочет работать на тонущем корабле, если рядом маячит сверкающая яхта Плетневых.

Я встала. Время поджимало. В десять утра Монахов ждет меня с документами, которых у меня нет. Но прежде чем идти на эшафот, мне нужен был козырь. Последний легионер в моей проигранной войне.

— Ты куда? — Тася встревоженно посмотрела на меня.

— В прошлое, — ответила я, забирая конверт. — Есть один человек, который никогда не слушал Гошу. Потому что считал его пустым местом.

Такси везло меня в район, который застройщики называли «депрессивным», а я — «настоящим». Здесь не было панорамного остекления и керамогранита. Здесь дома дышали историей, облупившейся лепниной и густыми тенями старых лип.

Я вышла у четырехэтажки с чугунными козырьками. Пахло влажной землей, сиреню, которая уже давно отцвела, и чем-то неуловимо домашним — жареным луком и старыми книгами.

Подъезд Корнея Блаженного встретил меня тишиной и запахом ладана. Здесь не было домофона. Дверь держалась на честном слове и мощных петлях, выкованных еще до моего

рождения. На лестничных клетках вместо рекламных листовок лежали стопки журналов «Наука и жизнь» и «Техника молодежи».

Я поднялась на четвертый этаж. Дверь квартиры номер сорок два была приоткрыта.

— Входи, Светлакова, — раздался из глубины гулкий, прокуренный бас. — Я еще вчера почуял, что ты придешь. Воздух в городе стал слишком кислым от вранья, значит, у тебя что-то случилось.

Я толкнула дверь. Квартира Корнея была похожа на келью алхимика вперемешку со строительным складом. Вдоль стен — стеллажи с книгами по архитектуре Возрождения, на полу — мешки с элитным немецким клеем, который сейчас не достать ни за какие деньги. И коты. Они были везде.

Огромный рыжий мейн-кун восседал на стопке энциклопедий, как сфинкс. Угольно-черный короткошерстный грелся под настольной лампой. А серый, похожий на дым, лениво потянулся на подоконнике.

Сам Корней сидел за дубовым столом. Седой хвост стянут кожаным шнурком, на предплечье — татуировка средневекового циркуля. Он не был «блаженным» в медицинском смысле. Его так прозвали за то, что он мог отказаться от заказа в миллион рублей, если ему не нравился цвет глаз заказчика или «аура дома». Но если он брался за плитку — это был не ремонт. Это была симфония в керамике.

— Чай? — он кивнул на подстаканники с потемневшим

серебром. — Или сразу к делу, раз уж ты накрасилась так, будто собралась кусать прохожих?

Я присела на край обшарпанного стула. Красная помада, мой вчерашний щит, сейчас казалась мне здесь неуместной.

— Гоша ушел, Корней.

Мастер даже не вздрогнул. Он медленно налил чай из старого медного чайника.

— Ушел — это хорошо. Лишний мусор из дома выносить надо вовремя, иначе заведется плесень. А Георгий твой... он давно спорами пошел. Я ему еще три года назад говорил: «Гошка, ты фасад шлифуешь, а внутри у тебя пустота». Он смеялся. Думал, если облицовка блестит, то и фундамент стоять будет.

— Он вычистил счета, — продолжала я, глядя в свой стакан. — Забрал инструменты. Ушел к Паулине Плетневой. А на мне объект её отца, кредит за дачу и технадзор по фамилии Монахов. Слышал про такого?

Корней поднял глаза. Его взгляд, немигающий и прозрачный, прошивал насквозь.

— Монахов... Слышал. Серьезный мужик. Из тех, кто верит цифрам больше, чем людям. С таким не договоришься, Анорка. Такого только фактом можно бить.

— У меня нет фактов, Корней. Гоша вел бухгалтерию на салфетках. И у меня нет бригады. Все отказались. Говорят, баба на стройке — это до первого шторма.

Рыжий кот спрыгнул с полка и вальяжно подошел ко

мне, запрыгнув на колени. Я начала механически гладить его жесткую шерсть.

— А ты? — Корней прищурился. — Ты сама-то как думаешь? Ты баба или строитель?

— Я — тот, кто не даст своей дочери бросить университет из-за того, что её отец решил поиграть в «гения» на чужих простынях.

Корней неожиданно улыбнулся. Улыбка у него была редкая, сухая, как трещина на старой фреске.

— Вот это разговор. Ладно. Плитка — это кожа дома. Я не дам этому особняку гнить в плохих руках. Завтра выйду. Инструмент у меня свой, старый, еще дедовский, он покрепче твоих «хилти» будет.

Я почувствовала, как в груди что-то отпускает. Первая опора. Первая балка, подставленная под рушащийся потолок.

— У меня нет денег на твою ставку, Корней. Сейчас — нет.

— Деньги — это пыль, Анорка. Мы их с тобой еще зарабатываем. Мне просто хочется посмотреть, как ты этого Монахова за пояс заткнешь. И Георгию твоему... привет передам. При случае. Плиткой по физиономии.

Он проводил меня до двери. В подъезде было прохладно, тени ложились на ступени причудливыми узорами. Корней положил свою тяжелую, сухую, как пергамент, ладонь мне на плечо. От него пахло табаком и мастикой.

— Ты не бойся, девочка, — он заглянул мне в глаза своим немигающим, прозрачным взглядом, в котором сквозила вековая усталость и такая же вековая мудрость. — Твой Гоша — он ведь как штукатурка без грунтовки. Красиво лег, ровно, глаз радовал, пока солнце светило. А чуть сырость, чуть сквозняк — и всё, пошел пузырями. Отвалится он, Анорка. Ошметками опадет, только пыль подметать успевай.

Он чуть сжал пальцы, и я почувствовала это тепло — спокойное, уверенное.

— А ты в этом доме — стена несущая, — продолжал Корней. — На тебе вся крыша держится. Стены не плачут, Анора. Стены стоят, даже когда из них арматура лезет. Вот и ты — стой. Никто не свалит ту, что сама себя держит.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Ком стоял в горле, но это был не ком боли. Это был фундамент. Твердый, неподатливый камень, который лег на свое место.

— Завтра в восемь буду на объекте, — Корней убрал руку. — Без опозданий. У меня коты завтрак в семь требуют, так что я привыкший.

Я вышла из подъезда, и мне показалось, что воздух на улице стал прозрачнее. Жара никуда не делась, пыль всё так же висела в воздухе, но тяжесть, которая давила на плечи последние сорок восемь часов, вдруг сменилась странной, звенящей легкостью.

У меня не было денег. У меня не было мужа. У меня была куча проблем и разъяренный «Цербер» Монахов впереди.

Но у меня был Корней. И я знала, что его «дедовский» инструмент не подведет, когда мы начнем вскрывать вранье, оставленное Гошей.

Я дошла до угла и вызвала такси. Нужно было заехать на рынок — купить хотя бы пару уровней и рулеток на те деньги, что дала Таисия. Пять тысяч. Теперь они не казались мне «стыдными». Это были патроны. А я выходила на тропу войны, где пленных не берут.

В машине я открыла блокнот и начала набрасывать схему завтрашнего разговора. Монахов ждет, что я приползу на коленях. Он ждет, что я признаю поражение.

Я посмотрела в окно. На рекламном щите сверкала улыбка какой-то модели, рекламирующей украшения. «Ваше время сиять», — гласил слоган.

— Ну что ж, Матвей Андреевич, — прошептала я, закрывая блокнот. — Посмотрим, кто из нас лучше умеет считать нагрузки. Шоу начинается.

Я прижала сумку к себе. Пять тысяч в конверте, блокнот и слова Корнея. Для кого-то — ничто. Для несущей стены — достаточно, чтобы выстоять в любой шторм.

Такси влилось в поток машин, увозя меня прочь от старого района, напрямик в пасть к Монахову. Но страха больше не было. Была только работа. А работу я всегда доводила до идеала.

Глава 10

Звук ручной пилы — сухой, размеренный, почти медитативный — вырвал меня из липкого оцепенения еще на подходе к особняку. В семь сорок пять утра стройка обычно встречает воем болгарок или надрывным кашлем бетономешалки, но сегодня над «Кедровым» плыла иная мелодия. Старая школа.

Я остановилась у ворот, вдыхая запах влажной после ночной росы хвои и свежей древесной стружки. Сашка и Виталик, мои вечные «солдаты удачи», обычно подпирающие углы в ожидании наряда, сегодня стояли по стойке «смирно» возле штабеля досок. А в центре гостиной, где из панорамных окон лился еще робкий, не обжигающий свет, работал Корней.

Он не торопился. Его движения были скупыми и точными, как у хирурга. Потертый до зеркального блеска мастерок, самодельные правила из тяжелого дуба, уровни, которые видели еще советские ГОСТы — весь его арсенал был разложен на куске чистого брезента с такой аккуратностью, что мне стало стыдно за свой вечный хаос в сумке.

— Пришла, несущая, — Корней не обернулся, но пилу отложил. — Чай в термосе. С чабрецом. Пей, пока инквизиция не нагрянула.

Я подошла к нему, чувствуя, как внутри впервые за эти

двое суток что-то перестает вибрировать от ужаса.

— Спасибо, Корней. Сами как?

— Стены стоят, Анорка. И мы постоим. Парней твоих я уже проинструктировал: если кто без команды инструмент тронет — руки оторву и в раствор замурую. Внимают.

Виталик шмыгнул носом и кивнул с таким видом, будто Корней только что зачитал им устав караульной службы. Авторитет Блаженного действовал на подсобников магически — они чувствовали в нем ту самую «коренную породу», которую невозможно имитировать.

Я устроилась в углу на перевернутом ведре, соорудив из двух козлов и листа фанеры подобие рабочего стола. На нем сиротливо лежала папка. Моя «линия обороны». За ночь мне удалось выцарапать из знакомых менеджеров пару дубликатов накладных, но большая часть документации представляла собой лоскутное одеяло из моих воспоминаний и Гошинных каракулей.

«Гоша...» — имя отозвалось глухой болью в затылке. Вчера я видела его руку на руке Паулины. Сегодня я должна была доказать, что его работа здесь не была фикцией. Ирония судьбы: я спасала репутацию человека, который вычистил мой банковский счет ради сапфирового браслета для другой.

В десять ноль-ноль к воротам бесшумно подкатил внедорожник. Черный, хищный, он замер точно по линии раз-

метки. Матвей Монахов вышел из машины, и я невольно поправила воротник своей серой рабочей рубашки. На нем был светло-серый костюм — дерзкий выбор для объекта, где пыль считается полноправным жильцом. Но на Монахове не было ни пятнышка. Безупречен. Раздражающе идеален.

Он не стал здороваться. Просто кивнул Плетневу, который приехал следом на своей машине, и направился прямо к моей фанерной баррикаде.

— Документы, Светлакова, — бросил он, даже не глядя на меня.

Я протянула папку. Матвей взял её двумя пальцами, как нечто потенциально заразное, и начал листать. Секунда, вторая, третья.

— Это не документация, — он захлопнул папку и положил её обратно на фанеру. — Это записки сумасшедшего. Где сертификаты на арматуру второй очереди? Где акты на скрытые работы по теплomu полу в главной гостиной?

— Георгий не успел их подшить, — я встала, стараясь, чтобы мой голос не звучал оправдывающимся. — Но все работы выполнены в строгом соответствии с...

— Оставьте эти сказки для Плетнева, — Монахов перебил меня, уже доставая из своего кейса прибор, похожий на футуристический пистолет. — Я верю приборам. А они го-

ворят, что в этом доме что-то не так.

Он прошел в центр гостиной. Восемьдесят квадратных метров стяжки, под которой покоились километры труб теплого пола. Гордость Гоши. Он расписывал Плетневу, как здесь будет тепло и уютно зимними вечерами.

Матвей включил тепловизор. На небольшом экране поплыли цветные пятна. Плетнев подошел ближе, его лицо выражало крайнюю степень напряжения.

— Смотрите сюда, Петр Петрович, — голос Монахова был сух, как треск ломающейся доски. — Температурная карта фундамента. Видите эти синие полосы в центре? Это зоны критических теплопотерь. Ваша система «теплого пола» греет не воздух в гостиной, она греет фундаментную плиту и землю под ней.

Я похолодела.

— Это невозможно. Мы закладывали экструдированный пенополистирол «пятерку» и отражающую подложку.

— Вы «закладывали» их в смету, Светлакова, — Матвей повернул экран ко мне. — А по факту здесь либо нарушена технология укладки, либо... — он сделал паузу, и его глаза цвета холодного моря впились в мое лицо, — либо ваш муж просто «забыл» про утеплитель в центральной части зала. Решил, что под слоем бетона никто не заметит экономию в семьдесят тысяч рублей.

Семьдесят тысяч. Почти та сумма, которой Гоше не хватало на ужин с шампанским после покупки браслета. Пазл в моей голове сложился с тошнотворной четкостью.

— Это брак, — Плетнев ударил кулаком по ладони. — Анора! Ты понимаешь, что это значит?

— Это значит демонтаж, — припечатал Монахов. — Вскрытие восьмидесяти квадратов чистой стяжки. Демонтаж труб, которые после этого уйдут в утиль. Закупка нового материала. Две недели простоя и... — он бросил быстрый взгляд на свои часы, — около полутора миллионов прямого убытка. Минимум.

Я смотрела на синие пятна на экране тепловизора и чувствовала, как пол уходит из-под ног. Полутора миллионов у меня не было. У меня не было даже четырнадцати тысяч, чтобы купить новые трубы. Это был конец. Плетнев разорвет контракт, выставит иск, и я останусь не просто без работы, а с долгом, который не выплатить и за десять лет.

Матвей смотрел на меня. В его взгляде не было торжества — только холодное подтверждение его собственной правоты. Он ждал, когда я сломаюсь. Когда я начну плакать, умолять или, что еще хуже, валить всё на сбежавшего мужа.

Но в этот момент я увидела Корнея. Он стоял в дверном проеме, опершись на свое правило, и едва заметно кивнул мне. «Стены не плачут, Анорка».

Ярость — чистая, калиброванная, профессиональная

ярость — выжгла во мне остатки страха. Я шагнула к стене, на которой еще белела свежая штукатурка, схватила строительный маркер и начала чертить.

— Демонтажа не будет, — мой голос прозвучал так резко, что Плетнев вздрогнул.

— Простите? — Монахов иронично приподнял бровь. — Вы собираетесь спорить с законами физики?

— Я собираюсь использовать их, — я быстро набрасывала схему потоков теплопередачи. — Ошибка есть, я признаю её. Утеплитель смещен или смят при заливке. Но вскрывать стяжку — это решение для тех, кто не умеет думать. Мы сделаем инъектирование.

Матвей подошел ближе. Я чувствовала запах его парфюма — ветивер и что-то горькое, лесное. Он стоял так близко, что я видела текстуру его дорогой рубашки.

— Инъектирование в стяжку теплого пола? — он скептически хмыкнул. — И чем вы собираетесь заполнять пустоты? Воздухом?

— Сверхлегким полимерным составом с керамическими микросферами, — я продолжала чертить, рука не дрожала. — Жидкая теплоизоляция. Мы сделаем сетку микроотверстий между витками труб — я знаю точную раскладку, я са-

ма её чертила. Под давлением состав заполнит каверны и создаст терморазрыв между бетоном и плитой. Коэффициент теплопроводности упадет до нормативных значений.

Я обернулась. Монахов стоял в полушаге от меня. Его взгляд метался между моей схемой на стене и моим лицом. Он искал ошибку. Он искал слабое место в моих расчетах.

— Вы понимаете, какой это риск? — его голос стал тише, утратив часть своего металла. — Если вы повредите хоть одну трубу при сверлении — вы похороните объект окончательно.

— Я не поврежу, — я смотрела ему прямо в глаза. — Я сама буду сверлить. Каждую точку.

Тишина в гостиной стала физически ощутимой. Плетнев переводил взгляд с меня на Монахова, как зритель на теннисном матче. Матвей молчал. Он медленно подошел к стене, провел пальцем по моему чертежу, размазывая след маркера.

— Теоретически — изящно, — произнес он наконец, поворачиваясь ко мне. — Практически — безумие. Вы предлагаете технологию, которую используют в мостостроении, для частного дома. Где вы возьмете оборудование? Где возьмете состав? У вас на счету, если верить моим данным, дыра размером с этот бассейн.

— Это мои проблемы, — я выдержала его взгляд. — Дайте мне сорок восемь часов. Если через двое суток теплови-

зор покажет хоть одно синее пятно — я сама подпишу акт о расторжении и признаю иск на любую сумму.

Матвей молчал долго. Он изучал меня так, будто видел впервые. Не «жену Светлакова», не «прораба в юбке», а инженера, который только что поставил свою жизнь на конную карту. В его глазах впервые промелькнуло нечто, похожее на уважение, — острое, как лезвие его опасной бритвы.

— Ладно, — он захлопнул свой кейс. Щелчок замков прозвучал как выстрел. — Рисуем. Петр Петрович, я даю ей эти сорок восемь часов. Но учтите, Светлакова...

Он подошел ко мне вплотную. Я чувствовала его дыхание на своем виске. Матвей наклонился к самому моему уху, так что его голос стал едва слышным шепотом, от которого по коже побежали мурашки.

— Если у вас не получится... если вы промахнетесь хоть на миллиметр... я лично прослежу, чтобы вас закатали в этот бетон. В назидание всем, кто думает, что стройка — это место для игр в спасение. Увидимся через два дня. В десять ноль-ноль. С тепловизором.

Он развернулся и пошел к выходу. Плетнев, всё еще ошарашенный, поспешил за ним.

Я осталась стоять у расчерченной стены. Маркер выпал из моих онемевших пальцев.

— Ну что, стена, — Корней подошел сзади и положил руку мне на плечо. — Расчет верный. Теперь главное, чтобы рука не дрогнула.

— У меня нет состава, Корней, — я закрыла глаза, чувствуя, как меня начинает бить мелкая дрожь. — И оборудования нет.

— У тебя есть я, — просто сказал он. — А у меня есть старый приятель в НИИ Стройфизики. И должок за ним числится. Собирайся. Нам нужно успеть до заката.

Я посмотрела на свои руки. Пальцы всё еще были испачканы черным маркером. Сорок восемь часов. Моя война перешла в фазу рукопашной. И почему-то образ Матвея Монахова — его холодный взгляд и запах ветивера — стоял перед глазами яснее, чем схема на стене.

Я стерла тыльной стороной ладони капли пота со лба, размазывая грязь. Пора было браться за дрель.

Глава 11

Влажная губка с противным чавканьем впитывала известковую кашицу, оставляя на сером бетоне темный, быстро высыхающий след. Я работала механически: нажать, провести, прополоскать в ведре, отжать. Снова и снова. Монотонность помогала не думать о том, что мои колени, защищенные дешевыми пластиковыми наколенниками, уже давно превратились в две сплошные зоны тупой боли, а поясница заклинила так, будто в позвоночник вбили железный лом.

Ночь в недостроенном особняке имела свой характер. Это не была тишина спящего дома; это была пауза в промышленном гуле. Одиноким строительный прожектор на штативе заливал гостиную резким, хирургическим светом, превращая штабеля мешков в причудливые скалы, а тени от колонн — в глубокие пропасти. Где-то в глубине дома капала вода, и каждый удар капли о пластиковый поддон отдавался в пустых залах гулким эхом.

Я отправила Корнея и ребят отдыхать еще в девять вечера. Сашка порывался остаться, но я видела, что он едва держит в руках шпатель. Им нужны были силы на завтра, на финишный рывок. Мне же силы были не нужны. Мне нужно было одиночество и возможность вылизать этот объект так, чтобы завтра у Монахова не возникло даже мысли придраться к чистоте исполнения.

Инъектирование прошло успешно. Полимер ушел в пустоты, как вода в сухой песок, и теперь под стяжкой родился новый, невидимый слой теплоизоляции. Мой безумный план работал. Оставалось лишь убрать следы «преступления» — те самые микроотверстия, через которые мы вводили состав.

Я снова окунула губку в ведро. Вода в нем давно превратилась в серую взвесь.

«Гоша сейчас, наверное, спит на шелковых простынях», — мысль скользнула в сознание и тут же вылетела, не задев ни одного нерва. Странно, но я больше не чувствовала той испепеляющей боли, что была в первый вечер. Осталась только холодная, рабочая брезгливость, как к плохо сделанному шву, который нужно просто затереть и забыть. Он забрал мои инструменты, забрал мои деньги, но он не смог забрать мои руки и мою голову. А это, как выяснилось, был самый дорогой актив в нашей семье.

Внезапно резкий свет фар разрезал темноту за панорамным окном, пробежался по стенам и погас. Я замерла, сжимая в руке мокрую губку. Сердце заколотилось где-то в горле. Полпервого ночи. В «Кедровом» в это время чужие не ездят.

Хлопнула дверь автомобиля. Послышались шаги — уверенные, размеренные, совсем не похожие на вороватую походку грабителей. Тяжелая входная дверь скрипнула и открылась.

Я не успела встать. Так и осталась на четвереньках посреди гостиной, взлохмаченная, в перепачканной робе, с серыми разводами на лице.

В холл вошел Матвей Монахов.

Он выглядел так, будто только что покинул бизнес-ланч или совет директоров. Пиджак расстегнут, галстук чуть ослаблен, но белизна его рубашки в свете прожектора казалась ослепительной. Он замер на пороге, щурясь от резкого света, и его взгляд почти сразу наткнулся на меня.

Минуту мы просто молчали. Я чувствовала себя как вскрытая консервная банка. Грязная, измотанная, с лицом, на котором вчерашняя красная помада оставила лишь жалкие, сухие чешуйки по контуру губ. Настоящий «директор фирмы», нечего сказать.

— Светлакова? — Матвей медленно прошел в центр зала. Его туфли из мягкой кожи бесшумно ступали по бетону. — Вы что здесь делаете в такое время?

Я попыталась подняться, но затекшая нога предательски дрогнула. Пришлось опереться рукой о влажный пол, чтобы не рухнуть окончательно.

— Работаю, Матвей Андреевич, — я наконец выпрямилась, чувствуя, как хрустят позвонки. Голос был хриплым, чужим. — До завтрашней проверки осталось меньше десяти часов. Я не могу позволить себе тратить их на сон.

Монахов подошел ближе. Он остановился в двух шагах, и я снова почувствовала его парфюм — этот холодный, горь-

коватый аромат леса, который совершенно не вязался с запахом цементной пыли и полимеров. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его глазах я не видела привычного торжества или брезгливости. Там было что-то новое. Растерянность?

— Я забыл папку с актами на столе в бытовке, — произнес он, кивнув в сторону временного стола из фанеры. — Решил заехать по пути домой, чтобы не терять время утром. Но я не ожидал...

Он замолчал, оглядывая гостиную. Взгляд его скользнул по рядам аккуратно затертых отверстий, по вымытому до блеска участку пола, по горе тяжелых мешков с мусором, которые я подготовила к выносу, но так и не решилась поднять.

— Вы сами это делали? — он указал на мешки.

— Сашка и Виталик работали весь день, — я вытерла руки о ветошь, пытаясь придать себе хоть сколько-то деловой вид. — Уборка — это моя забота. Ребята должны быть в форме завтра.

— Вы сумасшедшая, Светлакова, — Матвей качнул седой головой. — Или просто очень плохой руководитель, раз не можете делегировать грязную работу подчиненным.

— Я отличный руководитель, — я нашла в себе силы для слабой усмешки. — Просто я знаю, что никто не вымоет этот пол лучше меня. А завтра мне нужно, чтобы вы видели результат, а не строительную грязь.

Монахов ничего не ответил. Он подошел к столу, забрал свою папку, но не ушел. Вместо этого он медленно снял свой

дорогой пиджак и, к моему полнейшему изумлению, аккуратно повесил его на козлы — прямо поверх моего грязного чертежа.

— Что вы делаете? — я в недоумении наблюдала, как он расстегивает запонки и начинает закатывать рукава своей безупречной рубашки.

— Избавляю себя от необходимости смотреть, как вы завтра упадете в обморок прямо на мои туфли, — бросил он через плечо. — Мешки в контейнер на улице?

— Матвей Андреевич, это... это не ваша работа. Идите домой, я сама...

— Светлакова, замолчите, — он повернулся ко мне, и его взгляд был таким жестким, что я невольно притихла. — Считайте, что я провожу инспекцию вашего умения принимать помощь. Или просто заглаживаю вину за то, что заставил вас сверлить этот пол.

Он подошел к мешку, весившему добрых тридцать килограммов, легко подхватил его и направился к выходу. Я смотрела на его широкую спину, на то, как под тонкой тканью рубашки перекачиваются мышцы, и не могла поверить своим глазам. Матвей Монахов — человек, который вытирал руки антисептиком после каждого посещения объекта — таскал строительный мусор.

Он сделал четыре захода. Молча. Быстро. Эффективно. Когда последний мешок исчез в дверном проеме, он вернулся, чуть запыхавшийся, и подошел к временному крану в уг-

лу холла.

— У вас есть мыло? — спросил он, отмывая руки от белой пыли.

— В бытовке, в синей коробке.

Он исчез в подсобке и вернулся через пару минут. В руках у него был небольшой термостакан, который он, видимо, захватил из машины.

Он подошел ко мне и протянул стакан.

— Пейте. Без сахара.

Я взяла теплый пластик, чувствуя, как от него исходит аромат хорошего, крепкого кофе. Того самого, который я не пила со дня исчезновения Гоши.

— Откуда вы знаете, что я пью без сахара? — спросила я, делая первый, божественный глоток. Горькая жидкость обожгла язык, возвращая меня к жизни.

Монахов стоял у окна, глядя на ночной поселок. Его рубашка на рукаве была испачкана побелкой, но он, казалось, перестал это замечать.

— Я технадзор, Светлакова, — ответил он, не оборачиваясь. — Я замечаю всё. Даже то, как вы хмуритесь, когда Виталик предлагает вам чай с тремя ложками рафинада.

Он помолчал, а потом добавил уже тише:

— Ваш муж... Георгий. Я видел его сегодня. В городе. Я замерла, не донеся стакан до губ.

— Да? И как он?

— Выглядит как человек, который очень старается убедить себя в том, что он счастлив, — Матвей наконец повернулся. — В новом костюме, с новой стрижкой. И с очень голодными глазами.

Я усмехнулась, чувствуя странное удовлетворение.

— Костюм куплен на мои деньги. Стрижка — тоже.

— Я догадался, — Монахов подошел к козлам, снял пиджак и снова надел его, мгновенно превращаясь из «помощника» обратно в сурового контролера. — Вы — редкая женщина, Анора. Глупая, гордая и работаете как проклятая. Мне такие не нравятся. Они создают слишком много хаоса в моей упорядоченной картине мира.

Он направился к выходу, но на пороге остановился.

— В десять ноль-ноль я буду здесь с тепловизором. И не дай бог мне найти хоть одно синее пятно. Кофе — это не индульгенция.

— Я знаю, — ответила я, глядя ему в спину.

Дверь закрылась, фары снова осветили гостиную и растапливали в темноте. Я осталась одна в пустом доме, сжимая в ладонях пустой стаканчик из-под кофе. На губах всё еще держался привкус горечи, но теперь это была не горечь обиды.

Я посмотрела на вымытый пол. На пустой угол, где больше не было мешков.

Матвей Монахов помог мне вынести мусор.

Я медленно опустилась на ведро и впервые за эти дни тихо рассмеялась. Жизнь подкинула мне такой сюжетный поворот, который не одобрил бы ни один инженер.

Завтра будет проверка. Завтра будет битва. Но сегодня... сегодня я знала, что у «Цербера» под безупречной рубашкой бьется сердце, которое способно учуять чужую усталость.

Я допила последние капли остывшего кофе и снова взяла губку. Оставалось еще два пролета. И я собиралась довести их до идеала. Не для Плетнева. Не для Гоши. Для самой себя. И, возможно, немножко для того, кто запомнил, что я не люблю сахар.

Глава 12 (Гоша)

От лица Гоши

Шелковые простыни в спальне Паулины были скользкими и холодными, как кожа рептилии. Я перекатился на бок, пытаясь устроиться поудобнее, но дизайнерская кровать, стоявшая как годовой бюджет небольшого поселка, оказалась чертовски жесткой. Тело, привыкшее за двадцать лет к старому, промятому, но родному матрасу, протестовало. Каждая мышца ныла, требуя привычного уюта, а в желудке пустота выводила голодные рулады.

Я открыл глаза и уставился в безупречно белый потолок. Ни одной трещинки, ни одного пятнышка. Стерильность, от которой сводило зубы.

Паулины рядом не было. На её половине кровати остался лишь едва уловимый аромат дорогих духов и легкая вмятина на подушке. Она упорхнула на йогу или в спа, оставив меня один на один с этим глянцевым миром.

Я сел, свесив ноги на ледяной керамогранит пола. Взгляд упал на висящие на стуле «чиносы» песочного цвета. Те самые, вчерашние. При одном воспоминании о том, как они впиваются в бедра, мне захотелось взвыть. Но деваться было некуда. Творец не может ходить в растянутых трениках, даже если его никто не видит. Творец — это имидж.

Кое-как втиснувшись в узкие брюки и надев шелковую ру-

башку, я побрел на кухню. Она сверкала сталью и стеклом. На столешнице — ни крошки. В холодильнике, как и вчера, — пустота в обрамлении трех баночек органического йогурта. Я с тоской вспомнил Анору. У неё на кухне всегда что-то шкварчало, булькало или, на худой конец, в хлебнице лежал свежий батон.

— Ничего, — прошептал я себе под нос, выпивая стакан безвкусной воды. — Это просто переходный период. Сейчас я возьму новый заказ, получу аванс, и всё встанет на свои места. Я — Светлаков. Моё имя в этом городе чего-то да стоит.

Я достал телефон и набрал номер Виктора по прозвищу «Железобетон». Мы с ним работали на паре объектов лет пять назад. Витя был мужиком грубым, приземленным, но заказы у него всегда были жирные.

— Витя, привет! Это Гоша Светлаков. Есть разговор на миллион, — я постарался придать голосу максимум уверенности и того самого «творческого пафоса», который так нравился заказчицам.

— О, Гоша, — голос Виктора в трубке прозвучал как скрежет лопаты по щебню. — Слышал-слышал о твоих подвигах. Говорят, ты теперь вольная птица?

— Вроде того, Вить. Решил, что пора выходить на новый уровень. Старые рамки стали тесноваты. Есть у тебя сейчас что-нибудь интересное? Нужен серьезный проектный подход, авторское видение.

Виктор помолчал, и я почти услышал, как он сплевывает на бетон.

— Видение, говоришь? Слушай, Светлаков, я как раз сейчас на «Авиаторе» корпус сдаю. Тут такая неразбериха с объемами арматуры — чёрт ногу сломит. Нам бы смету пересчитать да ведомости подогнать под реальность. Аноре твоей позвонить хотел, да пацаны сказали, вы того... разошлись.

Внутри у меня что-то неприятно екнуло.

— Анора тут ни при чем, Вить. Я сам всё считаю. Дизайн, проект, комплектация — это по моей части.

В трубке раздался короткий, лающий смех.

— Ты считаешь? Гош, не смейся мои седые яйца. Мы же работали вместе. Ты без Аноркиных таблиц даже количество кирпича на гараж не считаешь — вечно у тебя либо гора лишнего гниет, либо подсобники три дня курят, потому что ты машину с раствором забыл заказать. Ты же у нас «творец». А нам тут работать надо, а не в облаках летать.

— Витя, ты не понимаешь... — начал я, чувствуя, как лицо заливают краска стыда.

— Это ты не понимаешь, Светлаков, — перебил он. — Репутация — она такая штука, как фундамент. Если один раз марку бетона занижил — всё здание со временем по швам пойдет. По городу слух пошел, что ты объект Плетнева бросил. И что без жены ты — как перфоратор без бура. Трещишь много, пыль поднимаешь, а толку ноль. В общем, не обессудь. Работы для тебя нет.

Короткие гудки ударили по ушам сильнее, чем звук отбойного молотка. Я стоял посреди шикарной кухни Паулины, сжимая в руке смартфон так сильно, что пластиковый корпус жалобно хрустнул. Пальцы онемели. В ушах всё еще звенел этот лающий, издевательский смех.

— Трасса «Авиатор»... Корпус он сдает... — прошипел я, швыряя телефон на мраморную столешницу. — Да подавись ты своим бетоном, Витя. Рой свою землю.

Я мерил шагами кухню, и узкие брюки-чиносы нещадно врезались в пах. Творец. Я — творец. А они... они просто не видят дальше своего носа. Им нужен не дизайн, им нужна дрессированная обезьяна с калькулятором.

Я подошел к панорамному окну. Город внизу казался огромным муравейником, который я когда-то планировал покорить. Теперь он выглядел чужим. Враждебным. Словно все эти здания, которые мы с Норой отделявали годами, внезапно ошетинились острыми углами.

«Без Анорки ты ноль...»

Слова Виктора крутились в голове, как заевшая пластинка. Ерунда. Бред обиженного работяги. Я взял листок бумаги и карандаш, лежавшие на барной стойке. Попробовал набросать схему закупок для малого объекта, который держал в уме как запасной вариант.

Так... Шпаклевка. Грунтовка. Ламинат.

Я замер. Сколько нужно ламината на сорок квадратных

метров с учетом подрезки по диагонали? Пять процентов? Десять? Или пятнадцать, если плита кривая? А сколько мешков смеси на выравнивание, если перепад три сантиметра?

Я смотрел на чистый лист, и цифры расплывались. Раньше я просто говорил: «Нора, там гостиная, считай». И через десять минут у меня в руках была распечатка, где всё — от самореза до литра затирки — было выстроено в безупречные колонки. Я даже не задумывался, как она это делает. Я думал, это происходит само собой. Как восход солнца.

— Ерунда, — я отбросил карандаш. — В интернете посмотрю. Сейчас не это главное. Главное — ресурсы.

Мне нужны были материалы. Старый знакомый, Семёныч с базы «Строй-Ресурс», всегда давал нам в дебиторку под честное слово. Я оделся, брызнулся остатками дорогого парфюма и поехал.

База встретила меня привычным хаосом: визг погрузчиков, мат грузчиков, запах свежего цемента. Я шел к офису Семёныча, стараясь не запачкать новые туфли в серой жиже, которая здесь заменяла асфальт.

— Георгий? — Семёныч, мужик размером с бетономешалку, поднял на меня глаза от монитора. — Какими судьбами? А чего не на фургоне? И... ты чего это, на свадьбу собрался?

Я оправил шелковую рубашку, чувствуя себя неуместно в этом кабинете, заваленном образцами кирпича.

— Дела, Семёныч. Расширяюсь. Слушай, мне нужно пятьдесят мешков финиша и пару кубов доски-сороковки. Скинь на объект в «Кедровый», оплата как обычно — через неделю, как закроем этап.

Семёныч медленно побарабанил пальцами по столу. Его взгляд стал тяжелым.

— Как обычно, говоришь? — он вздохнул. — Слушай, Светлаков. Ты мужик рукастый, спору нет. Но по городу слух идет... разлетелись вы с Борисовной. А ИП-то на ком?

— ИП на ней, — я старался говорить небрежно. — Но мы партнеры. Всё остается в силе.

— Нет, Гоша. Не остается. — Семёныч отодвинул клавиатуру. — Борисовна сегодня утром обзвонила всех поставщиков. Лично. Сказала, что ИП Светлакова больше не несет ответственности за твои заказы. И что всё, что ты берешь — это твой личный риск. А у тебя, Гоша, кредитная история — как решето. Ты же сам знаешь, мы только под её слово тебе товар отгружали. Потому что она — кремень. А ты... ты вчера здесь был, сегодня там.

— Она просто мстит! — вырвалось у меня.

— Может и мстит. Её право. — Семёныч развернул монитор. — В общем, так. Только стопроцентная предоплата. Наличными или переводом. Счёт ИП заблокирован для твоих операций. Извини.

Я вышел из душного офиса, чувствуя, как под новой одеждой кожа чешется от гнева. Она это сделала. Она методично

перекрыла все краны. Она выставила меня перед всем миром несостоятельным ребенком.

Я сел в такси — фургон-то я спрятал, Паулина велела не позорить парковку — и поехал обратно. Город, который казался дружелюбным, теперь поворачивался ко мне спиной. На меня смотрели витрины магазинов, где мы закупали фурнитуру, и я кожей чувствовал: там меня больше не ждут. Без Аноры я был не «Георгием Светлаковым, дизайнером», а просто мужиком в тесных штанах, который не может купить даже пачку гвоздей в долг.

Квартира Паулины встретила меня тишиной и запахом её аромадиффузора. Сама она была в спальне — видимо, только что вернулась. Я вошел, ожидая поддержки, но она даже не обернулась.

— Папа звонил, — бросила она, разглядывая себя в зеркале. — Он в бешенстве, Георгий. Говорит, что на объекте какой-то цирк. Что Анора там что-то сверлит, а ты исчез.

— У меня форс-мажор, Поля! — я подошел к ней, пытаюсь обнять за плечи. — Нужно было решить вопросы с поставками.

— Решил? — она резко отстранилась и посмотрела на меня. — Почему у тебя такой вид, будто ты мешки таскал? И от тебя пасет дешевой базой.

Я замер. Её взгляд... в нем не было восхищения. В нем было раздражение. Как будто я — неудобное кресло, которое

не вписалось в интерьер.

— Папа сказал, если ты завтра не явишься с готовым решением по бассейну, он расторгнет контракт. И учти, Георгий... мне не нужен парень, над которым смеется весь «Кедровый». Исправь это. Сейчас же.

Она ушла в душ, захлопнув дверь.

Я остался один. В животе снова заурчало — я так и не поел нормально за весь день. Я подошел к бару, достал бутылку дорогого коньяка — того самого, «для особых случаев». Плеснул себе в стакан. Один глоток. Второй.

Алкоголь ударил в голову, но не принес расслабления. Он раздул мою обиду до размеров вселенной.

«Ты настроила всех против меня... — думал я, глядя на свое отражение в темном стекле окна. — Ты, Анора. Ты всегда хотела меня сломить. Хотела, чтобы я был твоим рабом. Твоей тенью».

Я достал телефон. Перед глазами всё немного плыло. Пальцы со злостью тыкали в экран. Я нашел контакт «Нора». Рука на секунду замерла — я вспомнил, как она вчера смотрела на меня в ресторане. Но коньяк вытеснил остатки здравого смысла.

«Ты настроила всех против меня! Ненавижу! Пропади ты пропадом со своим Монаховым! Стерва! Думаешь, ты победила? Я уничтожу тебя. Ты без меня — просто серая мышь в пыли! Ненавижу!»

Я нажал «Отправить» и с грохотом поставил стакан на

стол. Мне стало легче. На секунду.

от лица Аноры

Особняк Плетнева. 22:15

Гостиная первого этажа была залита тусклым светом дежурных прожекторов. Мы с Матвеем стояли в центре зала. Он держал тепловизор, направляя его на стяжку пола.

Экран прибора светился ровным, здоровым оранжевым цветом. Никаких «синих» пятен. Никаких провалов. Полимер сделал свое дело — инъекции создали идеальный терморазрыв. Мы победили бетон.

— Невероятно, — негромко произнес Матвей. — Шесть часов — и полная стабилизация температуры. Вы действительно знали, что делали, Светлакова.

Я стояла рядом, чувствуя, как от усталости дрожат колени. На фанерном столе были разложены восстановленные чертежи. Матвей убрал прибор в кейс и подошел к столу.

— Это успех, — он посмотрел на меня. В его взгляде больше не было холода. Было что-то еще... признание? Уважение? — Теперь мы можем двигаться дальше. Завтра я подпишу промежуточный акт.

В этот момент мой телефон, лежавший на чертежах, коротко завибрировал. Экран вспыхнул.

Я опустила глаза. СМС от Гоши. Длинный поток грязи, капс, восклицательные знаки. «Стерва», «Ненавижу», «Пропали пропадом»...

Матвей молча наблюдал за мной. Он был достаточно близко, чтобы прочитать первые слова сообщения. Я почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Не от боли — от безразличия. Будто я случайно наступила в гниль.

Я взяла телефон. Мои пальцы были испачканы маркером и пылью, но они были твердыми. Два движения: «Заблокировать контакт». «Удалить переписку».

Экран погас.

— Что-то важное? — спросил Матвей. Его голос был спокойным, но я чувствовала, что он ждет моей реакции.

Я подняла голову. Посмотрела на ровный оранжевый свет тепловизора, на Корнея, который в углу собирал свои инструменты, на Матвея, который только что признал мою правоту.

— Нет, — ответила я, и это была самая чистая правда в моей жизни. — Просто строительный мусор. Лишний шум. Продолжим? Мне нужно обсудить с вами схему раскладки плитки в холле.

Матвей чуть заметно кивнул.

— Продолжим, Анора Борисовна.

Глава 13

Сон прораба — субстанция хрупкая, как дешевая штукатурка. Он не глубокий, а какой-то поверхностный, тревожный, готовый осыпаться от малейшей вибрации. После ночной смены с Монаховым, когда мы спасали гостиную от вскрытия, я рухнула в кровать, даже не смыв до конца запах полимеров с рук. Мне казалось, я провалюсь в черноту до самого будильника.

Но в три часа ночи меня подбросило на подушке.

Звук был неправильным. Это не был шум улицы, не гудение холодильника и даже не сопение кота где-то в ногах (которого у меня, к сожалению, не было, хотя сейчас теплое живое существо не помешало бы). Это был свист. Тонкий, наглый, переходящий в шипение, словно на кухне поселилась огромная ядовитая змея.

Я спустила ноги на пол и тут же вляпалась во что-то мокрое и холодное.

— Черт! — выдохнула я, мгновенно просыпаясь.

Шлепая босыми ногами по коридору, я влетела на кухню и замерла. Это была катастрофа локального масштаба. Старый смеситель, тот самый, который Гоша обещал поменять последние полгода («Нора, ну не капает же, потерпи, я занят творчеством!»), решил, что его время пришло. Струя воды была из основания гусака тонким, но мощным фонтаном,

ударяла в навесной шкафчик и веселым водопадом стекала на столешницу, а оттуда — на пол.

Первая реакция была чисто женской, автоматической, выработанной двадцатью годами брака. Рука сама потянулась к телефону, лежавшему на подоконнике. «Позвонить мужу. Гоша приедет, Гоша перекроет, Гоша спасет».

Палец завис над экраном.

«Абонент временно недоступен или занят выбором шелковых рубашек для новой жизни», — пронеслось в голове.

Я отдернула руку, будто обожглась. Гоши нет. Есть только я, три часа ночи и перспектива затопить соседей снизу, которые только-только сделали евроремонт. А у меня на счету — четырнадцать рублей. Оплата ущерба станет финальным гвоздем в крышку моего гроба.

Я метнулась к раковине, пытаюсь прикрыть струю ладонью. Вода ледяная, напор такой, что брызги полетели мне в лицо, на пижаму, на волосы. Это было унижительно. Я, Анора Светлакова, которая руководит строительством элитных особняков, стою в собственной кухне в мокрой майке и не могу справиться с куском латуни.

Одной рукой зажимая фонтан (что помогало слабо), второй я набрала номер аварийки.

— Алло! У меня прорыв! Срочно! — заорала я в трубку, перекрикивая шум воды.

— Женщина, не истерите, — зевнул диспетчер на том конце. — Адрес?

Я продиктовала, чувствуя, как вода затекает в рукав.

— Ага... Ну, дежурная бригада на выезде, у нас там магистраль рвануло. Освободятся к утру, часов в восемь. Перекрывайте стояк и ждите.

— К восьми?! — я чуть не выронила телефон. — Я к восьми утону! У меня ламинат вздуется!

— Все тонут, гражданочка. Ждите.

Короткие гудки.

Я сбросила вызов и набрала частную службу «Муж на час». Ответили бодро, несмотря на ночь.

— Выезд мастера — пять тысяч рублей. Плюс материалы. Плюс ночной тариф — коэффициент полтора. Итого готовы-те тысяч восемь. Будем через сорок минут.

Я нажала «отбой». Восемь тысяч. У меня не было восьми тысяч. У меня были только долги, остатки достоинства и мокрая пижама.

— Ладно, — сказала я вслух, глядя на струю воды, которая, казалось, издевательски хихикала. — Ладно. Ты хочешь войны? Ты её получишь.

Я нырнула под раковину. Там, в темноте, среди бутылок с бытовой химией и старых тряпок, прятались вентили. Они были старые, советские, покрытые слоем пыли и, кажется, зеленой патиной. Я ухватилась за "барашек" холодной воды и попыталась повернуть.

Он не поддавался. Прикипел намертво.

Я уперлась ногами в пол, напряжила спину, зарычала

от натуги. Кожу на ладони обожгло болью, но вентиль даже не скрипнул.

— Да чтоб тебя! — я вылезла из-под мойки, вытирая мокрые руки о штаны.

Паника начала подступать к горлу липким комом. Я слабая. Я ничего не могу. Я умею только командовать и считать сметы, а в реальной жизни без мужика я — ноль. Монахов был прав. Гоша был прав. Я — пустое место.

«Стены не плачут, Анора. Стены стоят», — прозвучал в голове голос Корнея.

Я зло вытерла лицо. Слезы смешались с водопроводной водой, и на губах стало солоно.

— Хрен вам всем, — прошептала я.

Я вспомнила коробку. Ту самую картонную коробку из-под плитки, которую Гоша бросил посреди кухни, когда уходил. «Мусор», который он мне великодушно оставил. Я потащила её к себе, вытряхивая содержимое прямо в лужу на полу.

Старые зарядки, сломанный степлер, моток изоляенты... И вот он. Тяжелый, ржавый, но надежный разводной ключ. «Газовый», как называл его Гоша. Он забыл его, потому что считал устаревшим хламом, предпочитая свои новенькие хромированные наборы.

Я схватила ключ. Он лег в руку привычной тяжестью.

А еще я вспомнила про ящик в туалете. Там, в глубине, за рулонами бумаги, лежала новая кран-букса. Я купила её

три месяца назад, когда кран только начал подкапывать. Положила на видное место. Гоша тогда сказал: «Убрала бы ты это, Нора, глаз мозолит. Поменяю, когда вдохновение будет». Вдохновение ушло к Паулине, а букса осталась.

Я достала деталь. Блестящая, в целлофане.

В одной руке ключ, в другой — телефон с открытым YouTube. «Как поменять кран-буксу своими руками». Ролик вел какой-то мужик с гнусавым голосом, но объяснял толково.

— Первым делом перекройте воду, — вещал мужик с экрана.

— Спасибо, кэп, — огрызнулась я.

Я снова полезла под раковину. Накинула разводной ключ на упрямый вентиль. Зажала его челюстями инструмента.

— Ну давай, родной. Давай, ради женской солидарности.

Я потянула. Ключ сорвался, больно ударив меня по костяшкам пальцев. Я взвыла, сунула ушибленную руку под струю воды (благо она была тут, рядом, повсюду). Кожа была содрана, выступила кровь.

— Ах так? — злость накатила горячей волной, выжигая страх. — Ты думаешь, я сдамся? Я вчера пол в гостинной спасла, а ты — просто кусок ржавого железа!

Я обмотала ручку ключа полотенцем, чтобы не скользила. Уперлась плечом в дно мойки. Навалилась всем весом.

Раздался противный скрежет, потом щелчок. Вентиль подался. Пол-оборота.оборот. Шум воды начал стихать. Еще

оборот — и фонтан превратился в жалкую струйку, а потом иссяк.

Тишина. В кухне наконец-то наступила тишина, нарушаемая только моим тяжелым дыханием.

Я вылезла из-под раковины, откинула мокрые волосы с лица. Полдела сделано. Теперь самое сложное — открутить саму буксу.

Я подошла к смесителю. Сняла декоративный колпачок ножом (ноготь на указательном пальце хрустнул и сломался под корень, но мне было плевать). Под ним — винт. Открутила отверткой, которую нашла всё в той же коробке. Сняла маховик.

Вот она, виновница торжества. Латунная гайка, вросшая в корпус смесителя насмерть.

Я примерила разводной ключ. Затянула.

— Поехали.

Не идет. Гоша затягивал её пять лет назад, и, видимо, это было единственное, что он сделал в этом доме на совесть.

Я уперлась ногами в тумбу. Руки скользили. Ключ впивался в ладонь.

— Ну же! Давай!

Ничего.

В отчаянии я огляделась. Мне нужен рычаг. Что-то длин-

ное и прочное. Взгляд упал на металлическую трубку от пылесоса, стоящего в углу. Я схватила её, надела на ручку ключа.

— Архимед мне в помощь, — прохрипела я.

Нажала. Трубка скрипнула. Я повисла на ней всем телом. ХРЯСЬ!

Звук был таким, будто сломалась кость. Но это была не кость. Гайка стронулась. Я крутила её, чувствуя, как с каждым оборотом из меня выходит напряжение последних дней. Я выкручивала не просто кусок металла. Я выкручивала из себя зависимость. Я выкручивала память о том, как просила, умоляла, напоминала.

Букса выпала мне в руку — черная, с разъеденной резиной.

— Сдохла, — констатировала я.

Вставить новую было делом двух минут. Закрутить. Затянуть (но без фанатизма, как советовал гнусавый мужик из телефона). Надеть маховик. Винт. Заглушка.

Я снова нырнула под раковину и открыла воду.

Сердце колотилось так, что отдавалось в ушах. Я медленно подняла рычаг смесителя.

Вода потекла ровной, упругой струей. Я закрыла кран. Ни капли. Сухо.

Я сползла на пол, прямо в лужу, которую еще не успела вытереть. Спина прижалась к мокрому фасаду кухни. Я по-

смотрела на свои руки: грязные, в ржавчине, с кровоточащей ссадиной на костяшке и сломанным ногтем.

Но это были руки победителя.

— Я могу, — сказала я в тишину кухни. — Слышишь, Гоша? Я могу сама.

Меня начало трясти. Не от холода, хотя пижама промокла насквозь. Это выходил адреналин. Я засмеялась — тихо, потом громче. Это был странный смех, пополам с всхлипами, но в нем не было истерики. В нем была сила.

Я, Анора Светлакова, которая двадцать лет считала, что мужская работа — это табу, только что починила кран разводным ключом и трубой от пылесоса. И мир не рухнул. Наоборот, он стал чуть более устойчивым.

В этот момент на столе, в лужице воды, засветился экран телефона.

Входящий вызов. Время — 06:15 утра.

На экране фото: женщина с поджатыми губами и высокой прической.

«Зоя Петровна». Свекровь.

Я замерла. В другое время, в той, прошлой жизни, я бы сейчас вскочила, откашлялась, сделала голос мягким и приветливым. «Да, Зоя Петровна, конечно, извините, что так рано...».

Но я сидела в луже, с разбитой рукой и разводным ключом на коленях.

Я провела мокрым пальцем по экрану, принимая вызов. Громкая связь.

— Анора! — голос свекрови звенел, как циркулярная пила. — Ты время видела? Почему ты трубку не берешь сразу? Я звоню уже второй раз!

— Доброе утро, Зоя Петровна, — мой голос был спокойным и низким. — У меня была небольшая авария. Что случилось?

— Авария у неё... У нас катастрофа! Гошенька мне звонил полчаса назад! Он в истерике! У него сегодня важная встреча с партнерами, а у него ни одной чистой рубашки! Ни одной! Он говорит, что открыл шкаф, а там всё мятое!

Я представила Гошу, который мечется по квартире Паулины, пытаюсь найти уют, которого там, скорее всего, нет и в помине.

— И что вы предлагаете? — спросила я, разглядывая сло-манный ноготь.

— Как что?! — Зоя Петровна задохнулась от возмущения. — Ты жена или кто? Ты почему мужа отпустила без на-глаженного белья? Он, бедный мальчик, работает на износ, строит вам будущее, а ты даже за его гардеробом уследить не можешь! Он сказал, что ему пришлось ехать в магазин и покупать новую рубашку, потому что старая пахнет... чем-то строительным! Это позор, Анора!

Я взяла разводной ключ. Холодная сталь приятно холодило ладонь.

— Зоя Петровна, — перебила я её тираду. — Послушайте меня внимательно. Ваш «бедный мальчик» ушел от меня три дня назад. Он живет с другой женщиной. Её зовут Паулина Плетнева.

Тишина в трубке была такой внезапной, что мне показалось, связь оборвалась.

— Что... что ты несешь? — прошептала свекровь. — Какая Паулина? Гоша сказал, что он просто ночевал на объекте...

— Он ночевал на объекте, у которого есть имя и тридцать миллионов папиных денег, — жестко сказала я. — И он украл у меня все сбережения, Зоя Петровна. И инструменты. И даже кофемашину.

— Ты врешь! — взвизгнула она. — Мой сын не вор! Это ты его довела! Ты вечно его пилила, вечно тебе денег мало было! А теперь придумываешь небылицы, чтобы скрыть свою никчемность как хозяйки! Рубашки! Почему нет рубашек?!

Я встала. Вода с пижамы капала на пол, но я чувствовала себя так, будто на мне королевская мантия.

— Рубашек нет, потому что я перестала быть его прислугой, — отчеканила я. — Если Гоше нужно погладить воротничок, пусть попросит свою новую музу. Она молодая, руки гибкие, справится. А если нет — пусть учится гладить сам.

Или звонит вам. Вы же его мама, вот и позаботьтесь о его внешнем виде.

— Да как ты смеешь... Я приеду! Я сейчас же приеду и наведу порядок!

— Не трудитесь. Замки я сменила вчера, — соврала я, но тут же решила, что сделаю это сегодня же, как только найду деньги на личинку. — И еще, Зоя Петровна. Больше не звоните мне с претензиями по поводу быта вашего сына. У него теперь новая прачка. Спросите у неё, почему ваш гениальный мальчик ходит мятым.

Я нажала «отбой» и, подумав секунду, заблокировала номер.

Телефон полетел на стол, скользнув по мокрой поверхности.

Я стояла посреди кухни. Грязная, мокрая, уставшая до смерти. Но внутри меня разгорался огонь. Я починила кран. Я отшила свекровь. Я выжила.

— Тася! — крикнула я в коридор, зная, что дочь наверняка проснулась от моего грохота.

Дверь комнаты приоткрылась. Таисия выглянула, заспанная, с всклокоченными волосами.

— Мам? Ты чего орешь? И почему тут... — она увидела лужу. — О боже, мы тонем?

— Уже нет, — я пнула ногой старую, черную резинку от кран-буксы, валявшуюся на полу. — Мы всплываем, Тася. Тащи тряпки. У нас сегодня генеральная уборка. Вымываем

всё. И воду, и прошлое.

Дочь посмотрела на меня, на разводной ключ в моей руке, на мою сумасшедшую улыбку. И вдруг улыбнулась в ответ.

— Ты крутая, мам. Реально крутая.

— Я знаю, — ответила я, чувствуя, как начинает болеть сбитая рука. — А теперь за работу. Через два часа мне нужно быть на объекте. И я должна выглядеть так, будто не сражалась с сантехником, а спала на облаке.

Я взяла тряпку и бросила её в лужу. Вода впиталась, оставляя чистый след на линолеуме. Так же, как я собиралась впитать в себя эту новую реальность и оставить после себя чистоту.

Гоша думал, что без него здесь всё развалится? Что краны потекут, лампочки перегорят, а я зарасту грязью?

Черта с два.

В этом доме теперь будет работать всё. И работать идеально. Потому что теперь здесь главный инженер — я.

Глава 14

Десять оттенков серого. Не название дешевого романа, а моя персональная пытка на это утро.

Я стояла посреди огромной гостиной особняка Плетнева, скрестив руки на груди, и с ненавистью смотрела на стену. На идеально выровненной, ослепительно белой штукатурке в ряд красовались десять квадратных выкрасов. Для обычного человека они выглядели бы одинаково — просто серые пятна. Но я видела нюансы. И то, что я видела, мне категорически не нравилось.

Рядом, источая аромат холодного кофе и дорогого антисептика, стоял Матвей Монахов. Он держал в руках планшет, на экране которого светила 3D-визуализация интерьера.

— Артикул RAL 7040, — произнес он своим ровным, не терпящим возражений тоном. — «Грозовая туча». Это выбор дизайнера, утвержденный Петром Петровичем. Я не понимаю, что вас смущает, Светлакова.

— Меня смущает физика, Матвей Андреевич, — я подошла к стене ближе, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Вы видите этот оттенок?

Я ткнула пальцем в третий квадрат слева — тот самый, на котором настаивал Монахов.

— Вижу. Благородный холодный серый. Тренд сезона.

Лондонская школа дизайна.

— Это не Лондон, это морг в пасмурный день, — отрезала я. — Посмотрите на окна.

Я указала на панорамное остекление, занимавшее почти всю внешнюю стену. За стеклом, в утренней дымке, стояли вековые сосны. Их густая, насыщенная зелень работала как огромный светофильтр.

— У нас здесь северная сторона плюс хвойный лес, — начала я объяснять, как первокурснику. — Свет, проходя через хвою, получает зеленый рефлекс. Ваш «благородный серый» имеет холодный синий подтон. Синий плюс зеленый — что получается?

Монахов нахмурился, оторвавшись от планшета.

— Я не на уроке ИЗО, Анора Борисовна.

— Получается грязь, — я не дала ему уйти от ответа. — Грязная, болотная жижа. Как в подъезде хрущевки, которую не красили с восьмидесятых. Когда солнце выйдет из-за облаков, этот ваш «Лондон» превратит гостиную за тридцать миллионов в подвал с плесенью.

Матвей вздохнул. Это был вздох человека, вынужденного объяснять высшую математику голубю. Он аккуратно положил планшет на подоконник (предварительно проверив, нет ли там пыли) и повернулся ко мне.

— Светлакова, вы — прораб. Точнее, лицо, исполняющее обязанности прораба. Ваша задача — обеспечить ровность

стен и соблюдение технологии нанесения. Выбор цвета — это прерогатива заказчика и его дизайн-бюро. Если Паулина Петровна выбрала этот оттенок, значит, он будет здесь.

Имя Паулины прозвучало как скрежет пенопласта по стеклу. Конечно. «Лондонская школа». Девочка, которая видела этот дом только на экране макбука, сидя в кофейне, решила, что знает лучше, как ляжет свет в реальном лесу.

— Паулина Петровна может красить свою жизнь в любой цвет, — процедила я, чувствуя, как пальцы сами сжимаются в кулаки. — Но я не позволю испортить этот объем. Плетнев потом с меня спросит, почему у него стены «давят».

— Спросит с меня, — жестко оборвал Монахов. — Я технадзор. Я утверждаю решения. Красьте по артикулу. У вас срок сдачи малярных работ — пятница. Если начнете самостоятельность, вылетите из графика.

Он посмотрел на часы — те самые, дорогие, швейцарские. Жест, который всегда меня бесил. «Твое время стоит копейки, мое — миллионы».

— Нет, — сказала я тихо.

Матвей, уже собравшийся отойти, замер.

— Что «нет»?

— Я не буду это красить.

Он медленно повернулся. В его глазах цвета стали загораться опасные искры.

— Вы отказываетесь выполнять прямое распоряжение?

— Я отказываюсь делать брак.

Я метнулась к углу, где были сложены банки с краской и колерами. Мой взгляд упал на открытую банку базовой белой эмульсии и набор пигментов, который я привезла с собой «на всякий случай».

Гоша всегда смеялся над моим дипломом художественного училища. «Нора, кому нужны твои натюрморты? На стройке надо уметь считать бабки, а не мазки класть». Я зарыла этот диплом двадцать лет назад, обменяв мольберт на калькулятор сметчика. Но руки... руки помнили.

— Что вы делаете? — голос Монахова стал выше на полтона.

Я не ответила. Я схватила чистый пластиковый лоток, плеснула туда белой базы. Потом взяла колер. Черный. Капля. Перемешать. Получился тот самый плоский серый.

— Вот ваш «Лондон», — я макнула кисть и сделала мазок на куске гипсокартона.

Затем я взяла другой тюбик. Охра. И... капля фиолетового.

Монахов подошел ближе, наблюдая за мной с брезгливой настороженностью, как смотрят на сумасшедшего с бритвой.

— Фиолетовый? Вы в своем уме? Мы не будуар мадам Помпадур делаем.

— Молчите, — бросила я, яростно работая деревянной

лопаткой. — Просто смотрите.

Фиолетовый — комплиментарный цвет к желто-зеленому. Он «съедает» зелень. А охра дает теплоту, которой здесь катастрофически не хватает.

Смесь в лотке приобрела странный, сложный оттенок. Не серый, не бежевый. Цвет грибницы, цвет утреннего тумана над рекой, цвет... живой.

Я подошла к стене и размашистым, уверенным движением нанесла свой образец прямо рядом с «Грозовой тучей».

— Вот, — я отступила на шаг, вытирая руки ветошью. — Ждем пять минут, пока схватится.

— Вы испортили чистовую подготовку, — холодно констатировал Матвей. — Этот участок придется перешпаклевывать. Я вычту это из вашей сметы.

— Вычтете, — кивнула я. — Если я не права. А если права — вы извинитесь.

— Я? Перед вами? — он усмехнулся, и эта улыбка сделала его лицо хищным. — Анора Борисовна, у вас мания величия на фоне стресса.

Мы стояли в тишине. Дом вокруг нас жил своей жизнью: где-то наверху гудела шлифмашинка (Корней работал над откосами), за окном шумели сосны. Солнце, до этого прятавшееся за облаками, начало медленно выходить.

Луч света, пробившись через густые лапы елей, ударил в окно. Он был не золотым, а зеленоватым, прохладным. Он лег на стену, на наши выкрасы.

И произошло чудо. Точнее, физика.

Квадрат «Грозовой тучи», который так нравился Монахову, мгновенно позеленел. Он стал похож на старую, зацветшую воду в аквариуме. Холодный, неприятный, давящий цвет.

А мой квадрат... Он засиял. Фиолетовый подтон погасил зелень, охра дала теплоту, и серый цвет стал глубоким, бархатистым, словно дорогая замша. Он не спорил с лесом за окном, он принимал его.

Я посмотрела на Матвея.

Он молчал. Его взгляд был прикован к стене. Он сделал шаг вперед, потом еще один. Щурясь, переводил взгляд с моего образца на утвержденный. Потом взял свой планшет, поднял его на уровень глаз, сравнивая картинку с реальностью.

Картинка врала. Реальность была безжалостна.

— Зеленит, — тихо произнес он. Это было не мне, это было самому себе.

— Как в болоте, — подсказала я, чувствуя, как внутри разливается горячая волна торжества. Это было круче, чем сдать объект. Это была победа художника над бюрократом.

Матвей медленно опустил планшет. Он повернулся ко мне. Впервые за все время нашего знакомства он смотрел на меня не как на функцию, не как на «жену при муже», а как на человека, который видит то, чего не видит он.

— Где вы этому научились? — спросил он. В его голосе

не было иронии. Только чистое, мужское любопытство. — В сметах этому не учат.

— Жизнь научила, — я пожала плечами, пряча испачканные краской руки за спину. — Когда живешь в серости, начинаешь различать оттенки. Чтобы не сойти с ума.

Он хмыкнул.

— Философски. Но непрактично.

Он снова подошел к стене и провел пальцем по моему высохшему мазку.

— Текстура хорошая. Укрывистость тоже.

— Я добавила немного мраморной муки в базу, — призналась я. — Для глубины.

— Самодеятельность, — проворчал он, но уже без злости. — Ладно. Признаю. Ваш вариант... работает.

— Работает? — я приподняла бровь. — И всё?

— Он лучше, — выдавил он из себя, словно у него болел зуб. — Намного лучше. «Грозовая туча» выглядит здесь как плесень. Я согласую изменение колера с Плетневым. Возьму это на себя.

Я выдохнула. Напряжение, державшее меня в струне последние полчаса, отпустило, и колени предательски дрогнули.

— Спасибо, Матвей Андреевич.

— Не благодарите. Я делаю это не ради вас, а ради объек-

та. Я не могу позволить сдать дом с такими стенами.

Он отошел к столу, достал салфетку и начал протирать руки, хотя они были чистыми.

— Кстати, уберите это безобразие, — он кивнул на стену. — Зеленые квадраты. Они раздражают. А ваш... оставьте как эталон.

— Сейчас, — я схватила шпатель и влажную тряпку.

Образцы были нанесены высоко, на уровне глаз высокого мужчины. Мне пришлось подтащить стремянку. Я взошла на третью ступеньку, начала счищать еще свежую краску «Грозовой тучи».

Стремянка, старая и разболтанная (еще одно наследство Гошиной экономии), качнулась под моим весом. Я охнула, взмахнула руками, пытаюсь удержать равновесие.

Сильная, теплая рука перехватила мою лодыжку. Вторая уперлась в боковину лестницы, фиксируя её намертво.

— Осторожнее, Светлакова, — голос Матвея прозвучал откуда-то снизу, глухо и спокойно. — Не хватало еще, чтобы вы свернули шею. Кто тогда будет мешать эти ваши ведьминские зелья?

Я замерла. Его рука на моей ноге — даже через плотную ткань джинсов — ощущалась как ожог. Это было... странно. Неправильно. И в то же время — невероятно надежно. Я посмотрела вниз.

Матвей стоял у подножия лестницы, держа её так, будто это был хрустальный трон. Он смотрел вверх, на меня. И его

взгляд зацепился за мою руку, которой я вцепилась в верхнюю площадку.

На безымянном пальце, там, где раньше было обручальное кольцо (я сняла его вчера вечером и положила в ту самую коробку с мусором), белела полоска незагорелой кожи. А на указательном был наклеен дешевый телесный пластырь, уже немного разлохматившийся по краям.

— Производственная травма? — спросил он, не убирая руки с моей ноги.

Я проследила за его взглядом. Палец дернуло фантомной болью.

— Сантехника, — ответила я честно. — Ночью прорвало кран. Пришлось... договариваться.

— Самой? — он удивленно вскинул брови.

— Аварийка запросила пять тысяч. У меня их не было. А Гоша... — я запнулась, — Гоша забрал с собой все инструменты, кроме ржавого разводного ключа. Вот им и договаривалась.

Матвей молчал. Я видела, как ходят желваки на его скулах. Он медленно убрал руку с моей ноги, но продолжал держать лестницу.

— Разводной ключ и женские руки — плохое сочетание, — произнес он наконец. — Но эффективное, судя по тому, что вы здесь, а не вычерпываете воду.

— Я быстро учусь, — я соскребла остатки краски и начала

спускаться.

Когда я оказалась на полу, мы оказались лицом к лицу. Слишком близко. Нарушая все нормы социальной дистанции и делового этикета. Я видела крошечную морщинку у него между бровей, видела, как расширились его зрачки в полумраке комнаты.

Он пах не просто парфюмом. Он пах мужчиной, у которого всё под контролем. И этот запах кружил голову сильнее, чем растворитель.

— Один-ноль в вашу пользу, Анора, — тихо сказал он. Не «Светлакова». Анора. — Вы спасли эту гостиную от превращения в склеп. Но не привыкайте. Я редко ошибаюсь.

— Я тоже, — ответила я, глядя ему в глаза. — Просто раньше мне не давали права голоса.

Он чуть склонил голову набок, разглядывая меня.

— Знаете, этот цвет... — он кивнул на стену, где сох мой «грибной» оттенок. — Он сложный. В нем есть характер. И он подходит к вашим глазам больше, чем строительная пыль.

Я вспыхнула. Кровь прилила к щекам так резко, что мне показалось, я загорелась. Это был комплимент? От «Цербера»? От человека, который еще два дня назад обещал закатать меня в бетон?

— Это просто физика, Матвей Андреевич, — пробормотала я, отступая на шаг. — Рефлексы и поглощение спектра.

— Разумеется, — уголок его губ дрогнул в едва заметной

улыбке. — Просто физика.

Он достал из кармана белоснежный платок и протянул мне.

— У вас щека в охре. Вытрите. Плетнев приедет через час, не стоит пугать его боевой раскраской.

Я взяла платок. Тонкий хлопок, монограмма «М.М.».

— Я верну. Постираю и верну.

— Оставьте, — он развернулся и направился к выходу на террасу. — Считайте это премией за сэкономленные на перекраске нервы. И да, Светлакова... Запишите формулу вашего цвета. До грамма. Если маляры не попадут в тон, я с вас шкуру спущу.

— Записала, — ответила я его спине.

Он вышел.

Я осталась стоять посреди гостиной, сжимая в руке мужской платок. Он был теплым.

Я подошла к своему образцу на стене. Цвет был идеальным. Он дышал, он менялся вместе со светом, он делал этот холодный, пафосный дом уютным.

— Один-ноль, — повторила я.

Впервые за эти дни я почувствовала себя не «жертвой развода», не «брошенной женой», а профессионалом. Женщиной, которая может смешать краски так, что даже такой сухарь, как Монахов, признает поражение.

И еще... Я поднесла платок к лицу. Едва уловимый запах ветивера и табака.

— Просто физика, — прошептала я, чувствуя, как сердце делает странный, сбивчивый кульбит. — Ничего личного. Просто сопротивление материалов.

Но где-то в глубине души, там, где еще вчера была выжженная пустыня, вдруг проклюнулся маленький, робкий росток. Не надежды на любовь, нет. Надежды на то, что меня наконец-то увидели. Не как функцию. А как человека, у которого есть цвет глаз.

Я спрятала платок в карман джинсов, рядом с рулеткой. Пора было работать. Плетнев скоро приедет, и мне нужно было убедить его, что фиолетовый в сером — это не безумие, а гениальность.

Глава 15

Строительные гипермаркеты имеют свою особую энергетику. Это храмы надежды для тех, кто верит, что жизнь можно изменить, просто переклеив обои, и чистилище для тех, кто знает, сколько на самом деле стоит квадратный метр этой надежды. Я бывала здесь тысячи раз. Я знала наизусть расположение отделов, график завоза сухих смесей и даже имена кассиров. Но сегодня всё было иначе.

Потому что сегодня рядом со мной шел Матвей Монахов.

И если я привыкла носиться между стеллажами, как гончая, выхватывая взглядом нужные артикулы, то Матвей передвигался по залу с грацией музейного зрителя, которого по ошибке заперли в хозяйственном магазине. В своем кашемировом пальто песочного цвета (безумие для строймаркета!) и идеально начищенных ботинках он выглядел здесь как инородное тело. Или как проверяющий из небесной канцелярии.

— Светлакова, вы слишком торопитесь, — заметил он, придерживая мою тележку, которая, по закону подлости, норовила вильнуть влево. — Мы вы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.